THE ART PRACTICE BASED ON THE USE OF NATURAL FORMS OF STONE AND BONE IN THE STONE AGE OF EURASIA

V. Kotov

Abstract. Figurative art is practically not represented in the eastern region of Eurasia during the Paleolithic era, and in this regard, doubt arises - was it characteristic of the Ural-Siberian population at that time? Meanwhile, in recent years in the Ural-Volga region at the sites of the Upper Paleolithic, objects of visual activity based on natural forms of bone and stone have been discovered. It is one of the characteristics of the cultural tradition of the «Urals» and, in a broader sense, the «Siberian» Upper Paleolithic. On the territory of the Ural region, pebble sculptures have been found on monuments from the Mesolithic to the Middle Ages. According to archeological data, the cult nature of these objects of visual activity was revealed. It is compared with the nature of the cult attitude of the traditional peoples of the Urals and Siberia to sculptural images, which cultural anthropology demonstrates. On the basis of the ethnographic model, it was concluded that the visual practice using natural forms of bone and stone by the Paleolithic population was based on a ban on making other figurative images.

Key words: sculptures from natural forms, Stone age, Urals, Siberia

Citation. Kotov V. 2020. The art practice based on the use of natural forms of stone and bone in the Stone age of Eurasia. The Ufa Archaeological Herald, is. 20, pp. 6-34. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.001

УДК 902.01 ББК 63.4стд1-7

Дата принятия статьи: 10.11.2020

Дата поступления статьи: 24.09.2020

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА, ОСНОВАННАЯ НА ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ ФОРМ КАМНЯ И КОСТИ В КАМЕННОМ ВЕКЕ ЕВРАЗИИ

Вячеслав Георгиевич Котов

канд. ист. наук / старший научный сотрудник / Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН / г.Уфа, Российская Федерация / E-mail: kslav@yandex.ru

Аннотация. Фигуративное искусство практически не представлено в восточной области Евразии в эпоху палеолита и в этой связи возникает сомнение — было ли оно свойственно урало-сибирскому населению в это время? Между тем, в последние годы в Урало-Поволжье на памятниках верхнего палеолита были обнаружены предметы изобразительной деятельности на основе естественных форм кости и камня. Она является одной из характеристик культурной традиции «уральского» и, шире, «сибирского» верхнего палеолита. На территории Уральского региона были найдены на памятниках от мезолита до средневековья скульптуры из галек. По данным археологии была выявлена культовая природа этих предметов изобразительной деятельности. Она сопоставляется с характером культового отношения традиционных народов Урала и Сибири к скульптурным изображениям, который показывает этнография. На основании этнографической модели был сделан вывод о том, что в основе изобразительной практики с использованием естественных форм кости и камня палеолитическим населением лежал запрет на изготовление других фигуративных изображений.

Ключевые слова: скульптуры из естественных форм, каменный век, Урал, Сибирь

Цитирование. Котов В.Г., 2020. Изобразительная практика, основанная на использовании естественных форм камня и кости в каменном веке Евразии // Уфимский археологический вестник. Вып. 20. С. 6–34. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.001

Введение

Вопрос использования естественных форм первобытными людьми, как одно из объяснений происхождения изобразительной практики, возник еще на заре науки о первобытности [Столяр, 1985. С. 69 и сл.]. Между тем, открытия последних лет

указывают на то, что естественные формы камня, имеющие сходство с человеком или животными, могли привлекать внимание наших предков задолго до появления изобразительной практики раннего Homo sapiens. Об этом свидетельствует антропоморфная фигурка из отложений позднего

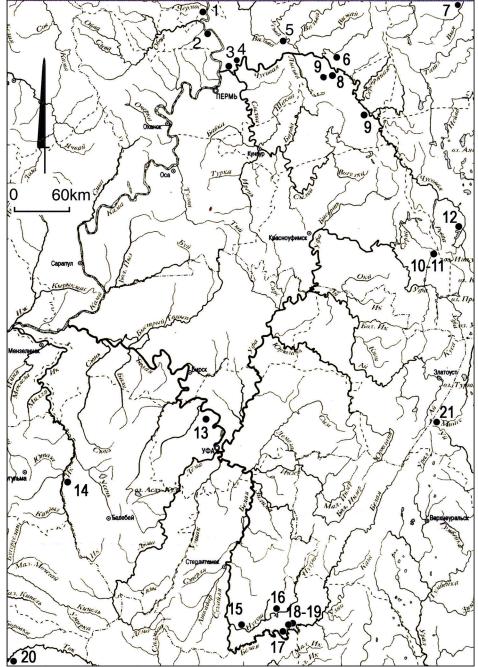

Рис. 1. Карта памятников с находками предметов изобразительной деятельности. 1 –Шированово II; 2 – Ганичата; 3 – Талицкого; 4 – Горная Талица; 5 – грот Столбовой; 6 – грот Большой Глухой; 7 – Гари; 8 – пещера Кумышанская; 9 – пещера Туристов; 10 – Боровка III; 11 – Шайтанское озеро I; 12 – оз. Иткуль; 13 – Ильмурзино; 14 – Муллино; 15 – Сергеевка 1; 16 – пещера Неолитовая; 17 – пещера Байсланташ и грот Археологов; 18 – Шульганово-4; 19 – пещера Шульган-Таш (Каповая); 20 – Лабазы 1; 21 – Троицкая

Fig. 1. Map of monuments with finds of objects of visual activity. $I-Shirovanovo\ II\ site;\ 2-Ganichata\ site;\ 3-Talitsky\ site;\ 4-Mountain\ Talitsa\ site;\ 5-Stolbovoy\ grotto;\ 6-Bol'shoy\ Gluhoy\ grotto;\ 7-Gary\ site;\ 8-Kamyshanskaya\ cave;\ 9-Tourists\ cave;\ 10-Borovka\ III\ site;\ 11-Shaitan\ Lake I\ site;\ 12-lake\ Itkul;\ 13-Ilmurzino\ site;\ 14-Mullino\ site;\ 15-Sergeevka\ 1\ site;\ 16-Neolithic\ cave;\ 17-Bayslantash\ cave\ and\ the\ Archaeologists\ grotto;\ 18-Shulganovo-4\ site;\ 19-Shulgan-Tash\ (Kapova)\ cave;\ 20-Labazy\ 1\ site;\ 21-Troitskaya\ site}$

ашеля стоянки Берехат Рам в Израиле: естественная форма из мелкозернистого туфа была грубо подправлена для большего сходства с женской фигурой [Goren-Inbar, Peltz, 1995]. Фигурная галька в виде фигурки мамонта без следов обработки была обнаружена на мустьерском памятнике Ильская 2 в Краснодарском крае [Щелинский, 2009].

Ю.Б. Сериков на основе многочисленных материалов из своих раскопок убедительно обосновал

факт использования природных форм в культовой практике древнего уральского населения, начиная с эпохи палеолита вплоть до средневековья [Сериков, 2004; 2005а]. Наибольшие споры вызвали «галечные скульптуры», но все новые и новые открытия, сделанные и другими исследователями, позволили Ю.Б.Серикову утвердить в науке и этот вид изобразительной практики [Сериков, 2007б]. В его материалах по галечной скульптуре отсутствовали изделия эпохи палеолита, и только один предмет был им описан как «скульптура» из кости со стоянки Гари [Сериков, 2004. С. 58; 2005a. C. 28].

Опираясь на критерии выделения фигурных кремней (искусственная обработка, отбор по форме, нахождение в культурном слое), предложенные А.Д. Столяром [Столяр, 1985. С. 76], из коллекций находок с палеолитических памятников Урала нами были выделены простейшие скульптурные изображения из камня и кости, сохраняющие естественную форму основы и лишь частично подвергнутые обработке.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ Стоянка Лабазы 1

расположена в 1,1 км к югу от с.Лабазы, в 2,4 км к северо-востоку от с.Скворцовка Курманаевского района Оренбургской области (рис. 1). Руслом р.Бузулук вскрыт культурный слой верхнего палеолита на глубине 1,5 м, который приурочен к гумусированным торфяниковым отложениям, насыщенными костями,

древесным и костным углем, содержащий мегафауну и другие находки на протяжении 120 м [Богданов, Котов, 2008]. Основную массу находок на стоянке образуют кости ископаемых животных и орудия, изготовленные из этих костей. Изделий из камня — 15 экз. Это в основном пластины и изделия из них. По крупному обломку рога гигантского оленя была получена некалиброванная дата 40310±3830 л.н. (ИГАН-3442), подтверждающая геологический и палеонтологический возраст памятника.

Одно изделие из кости было выделено в разряд предметов, связанных с изобразительной деятельностью [Богданов, Котов, 2008. С. 35. Рис. 11, 1]. Оно изготовлено из фигурной «катушки» эпифиза плечевой кости благородного оленя, имеет размеры $6,4 \times 5 \times 5$ см (рис. 2, 1). Предмет имеет форму антропоморфной статуэтки и его верхняя часть, соответствующая «голове», декорирована наклонными насечками, центральная выпуклая часть эпифиза подбита и обрезана таким образом, что выделены короткие выступающие в стороны руки и округлые две груди, на нижней наиболее широкой части эпифиза гравированными ломаными линиями показаны ноги (возможно, согнутые в коленях).

Стоянка Троицкая 1 находится в Южном Зауралье на берегу р. Уй, недалеко от г. Троицка Челябинской области (рис. 1). В ходе строительных работ и раскопок здесь было найдено 126 костей мамонта от трех-четырех особей и 38

костей лошади. Радиоуглеродная некалиброванная дата была получена по обработанной кости мамонта — 16300±300 л.н. (ИЭРЖ-165). Каменные изделия (188 экз.) были изготовлены из местного галечного сырья, причем более половины — из хрусталя. Предположительно, данный памятник является временным стойбищем около скопления костей или туш погибших животных [Широков и др., 1996. С. 21]. По мнению Ю.Б. Серикова, наличие хрусталя на памятнике является индикатором культового комплекса [Сериков, 2007в. С. 12].

Одно изделие выполнено из пястной кости лошади. У него удален один эпифиз и под сохранившимся дистальным эпифизом было просверлено отверстие диаметром 1,8-2 см [Широков и др., 1996. Рис. 2, 1]. Отверстие цилиндрическое, в этом месте толщина кости составляет 2,5 см (рис. 2, 3). Удаление эпифиза, очевидно, имело целью создать рукояточную часть и акцентировать дистальную часть изделия. По нашему мнению, это изделие не случайно отличается строгой симметричностью и размещение отверстия точно под выступом и рельефными деталями эпифиза на одной из сторон очень напоминает личину деревянных идолов. По-

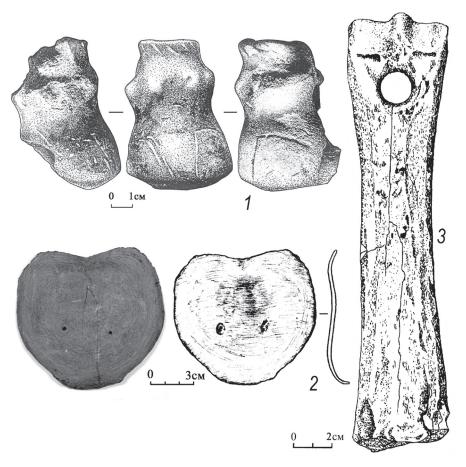

Рис. 2. Скульптуры из кости. I – стоянка Лабазы 1, антропоморфная статуэтка из эпифиза Южном плечевой кости благородного оленя (по: [Богданов, Котов, 2008. Рис. 11, I]); 2 – стоянка I р. Уй, Гари, межпозвоночный диск с отверстиями – «личина» (по: [Сериков, 2007а. Рис. 29, I]); I – стоянка Троицкая 1, пястная кость лошади с отверстием (по [Широков и др., 1996. Рис. 2, I])

Fig. 2. Sculptures made of bone. *1* - Labase 1 site: an anthropomorphic figurine from the pineal gland of a red deer humerus. Computer processing of S.Bogdanov's photo (after Bogdanov, Kotov 2008, Fig. 11, 1); *2* - Gary site: intervertebral disc with holes - a "mask" (after Serikov 2007a, Fig. 29, 2); *3* - Troitskaya 1 site: horse metacarpal bone with a hole (after Shirokov et al. 1996, Fig. 2, 1)

этому более вероятно, что оно имело символическую функцию и являлось жезлом.

Стоянка Гари находится на правом берегу р. Сосьва на южной окраине п. Гари Свердловской области, в 250 м вверх по течению от пристани (рис. 1). Обнаружена и исследуется с 1973 г. Ю.Б. Сериковым [Сериков, 2007а]. Коллекция каменных изделий составляет 577 экз. Возраст памятника по радиоуглеродной датировке кости укладывается, по мнению автора раскопок, в промежуток от 15150±280 л.н. (СОАН-4462) до 16700±240 л.н. (СОАН-4843) [Сериков, 2007а. С. 65].

В мерзлотном клине в ходе раскопок было обнаружено изделие из межпозвоночного диска мамонта размером 9,8×8,6 см. Чуть пониже центра изделия и симметрично на расстоянии 3 см друг от друга по свежей кости пробиты два сквозных отверстия диметром 2 мм, образующие на «лицевой» стороне два выкола диаметром до 7 мм (рис. 2, 2). Автор находки считает, что этот диск представляет собой зооморфную личину, предположительно, медведя в фас [Сериков, 2007а. С. 63. Рис. 29, 2].

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ

Стоянка Сергеевка-1. Расположена на левом берегу Нугушского водохранилища, в его северо-восточной части, поблизости от впадения р. Нугуш, в 3,5 км к северо-востоку от п. Нугуш, в 1,5 км к северо-востоку от д. Сергеевка Мелеузовского района Башкортостана (рис. 1). Памятник открыт в 2008 году археозоологом Д.О. Гимрановым (ИЭРиЖ УрО РАН), с 2009 г. исследуется экспедицией ИИЯЛ УФИЦ РАН под руководством автора [Гимранов и др., 2012]. Приурочен к выположенной части второй надпойменной террасы р. Нугуш высотой до затопления 20-30 м. Часть террасы размыта на глубину более 2 м до плотной светлобурой глины, к покровным отложениям которой и приурочены все находки. Кости и каменные изделия лежат компактным скоплением на протяжении 300 м на поверхности светло-бурой глины. Часть памятника уходит внутрь террасы. Из нескольких сотен костей плейстоценовой сохранности, по определению Д.О. Гимранова, большая часть – это остатки лошади (80%), единичные кости принадлежат другим животным: бизону, носорогу, оленю, мамонту, пещерному льву. По костному материалу радиоуглеродным методом была получена некалиброванная дата 18000±340 л.н. (Ле-9603) [Гимранов и др., 2012]. Памятник, скорее всего, является сезонной стоянкой охотников на лошадей. Всего с поверхности собрано более 5 тыс. изделий из камня. В целом, технико-типологические характеристики каменных изделий характеризуют коллекшию как единый комплекс и указывают на верхнепалеолитический облик индустрии [Гимранов и др., 2012].

Среди находок есть изделие, которое характеризуются как предмет изобразительной деятельности. Оно представляет собой фигурную плоскую гальку окремненного песчаника желто-коричневого цвета подтреугольной формы с закругленными концами (рис. 3, I). Размеры $6 \times 5,5 \times 2$ см. Одна сторона относительно плоская, причем это достигнуто еще дополнительным снятием широкого скола, края которого уплощены более мелкими сколами (рис. 3, I). На лицевой стороне характерные естественные выпуклости образуют подобие головы животного с вытянутой мордой, выпуклой скуловой частью и круглым выпуклым глазом размером 1,2×0,7 см. Для придания большего сходства с животным галька подработана. Важно, что глаз был выделен посредством пикетажа – это хорошо видно на макрофотографии. Посредством твердого острого посредника сделано два углубления на поверхности «глаза» в целях обозначения зрачка. То, что углублений два, очевидно вызвано тем, что острие инструмента соскальзывало, и мастеру не удалось попасть в первое углубление. В районе «носа» также острым твердым посредником сделан узкий скол, очевидно обозначающий ноздрю (рис. 3, 1). Ниже, примерно посередине острым посредником был сделан скол от «лицевой» поверхности, а затем от основания многочисленными торцевыми снятиями он был аккуратно расширен, образовав глубокую выемку, обозначающую открытую пасть животного. Небольшие сколы на «темени» и в других местах могли появиться от контрудара в процессе обработки изделия на каменной наковальне. На «темени» фигурной гальки виден отпечаток древней ракушки. Поверхность изделия с обеих сторон покрыта красно-бордовой минеральной краской. Причем, она есть и на поверхности негатива скола на вентральной стороне. Остатки охры указывают на то, что эта фигурная галька использовалась в каких-то обрядах.

Следующая фигурная галька отличается от предыдущей своей обработкой. Плоская галька пятиугольной формы из кварцито-песчаника светло-коричневого цвета явно была принесена на стоянку. Ее размер $6,8\times4,8\times1,8$ см. По форме контура галька напоминает животное с выпуклым горбом и покатой спиной, выступ и вогнутость на основании – ноги и, в целом, она похожа на бизона. Галька имеет, предположительно, три этапа обработки. С первым этапом связано оформление выемки в правом верхнем углу посредством пикетажа размером 5×3 мм (рис. 3, 2). На другой стороне зеркально имеется выемка несколько меньшего размера $(3\times2$ мм), сделанная сходным способом (рис. 3, 1). Очевидно, эти выемки обозначают глаза и в этом случае данное изображение ассоциируется с головой или протомой какого-то животного. Важная деталь - у этого изображения некоего существа отсутствует рот. Второй этап оформления гальки выразился в создании посредством пикетажа круглой выемки диаметром 4 мм и глубиной до 1 мм. Внутри выемка образована скоплением десятков глубоких точечных углублений, созданных каменным острием (рис. 3, 2). Аккуратные размеры выемки свидетельствуют об использовании острия в качестве посредника и какого-то легкого ударного инструмента в виде молоточка. Под выемкой имеются две искусственных борозды длиной 3 и 5 мм, сделанные посредством пикетажа цепочной негативов мелких сколов. Внизу на боковой поверхности боковым сколом была сделана выемка, которая была затем углублена продольными сколами и бороздами. Рядом с выемкой идет короткая (3 мм) поперечная борозда, сделанная острым каменным посредником. В целом, круглая выемка воспринимается как глаз, борозды под ней – это усы, а выемка внизу как рот какого-то животного.

На другой стороне основную изобразительную нагрузку несет извилистый край трещины, контур которой был сформирован ретушью. Заходящая вглубь гальки трещина также была подчеркнута цепочкой сколов. Вблизи нее была сделана посредством пикетажа небольшая (2,5×2 мм) выемка (рис. 3, 2). Нижний край искусственной трещины загибается вверх и соединяется с искусственной выемкой, созданной на боковой грани гальки многочисленными выбоинами. Она была нанесена на одинаковом расстоянии от нижнего и правого края (17 мм) и выемка имеет неправильную округлую форму размером 5×6 мм и глубиной до 1,5 мм. Особенности обработки и характер раз-

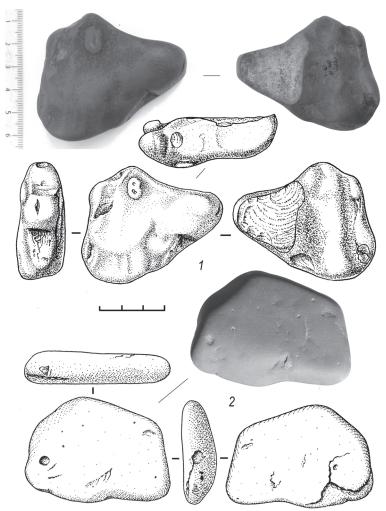

Рис. 3. Стоянка Сергеевка 1. I — галечная скульптура № 1 в виде головы; 2 — галечная скульптура № 2. Кварцито-песчаник. Фото и рис. В.Г. Котова Fig. 3. Sergeevka 1 site. I — pebble sculpture № 1 in the form of a head made of quartzite-sandstone; 2 — pebble sculpture № 2 made of quartzite-sandstone. Photo and picture by V. Kotov

мещения несколько отличаются от оформления на другой стороне. Только выемки на плоской стороне и на боковой грани сходны по технике исполнения с предыдущей. В целом выемка, обработанная трещина с выемкой на торце создают впечатление единого изобразительного комплекса. Сказать с уверенностью какое животное хотел изобразить палеолитический охотник сложно. Можно осторожно предположить, что покатая спина, горб, маленький «глаз» и изогнутая линия ретушированного края трещины, соединяющаяся с глубокой выемкой (хобот и рот?), ассоциируются с образом мамонта.

Второй и третий этапы создания «галечной скульптуры» используют сходный тип оформления – выемки и борозды, образованные пикетажем, что позволяет с осторожностью предполагать одновременность этих этапов. Между тем, мы не можем говорить о том, что эта скульптура является полиэйконической, поскольку эти изображения на разных сторонах фигурной гальки никак не связаны между собой. Очевидно, речь нужно вести о трех разных образах и о трех разных этапах оформления предмета, причем каждый раз происходило «отрицание» предыдущего изображения. Использование техники пикетажа и детали оформление выемки «рта» на втором этапе находят аналогии в обработ-

ке предыдущей «галечной скульптуры» на этом же памятнике (рис. 3, I).

Другая находка представляет собой брусок вытянутой формы из зеленовато-коричневого окремненного сланца с параллельными краями. Его размер $17,7\times2,7\times1,0$ см. Тело бруска зеленоватого цвета, широкие поверхности покрыты коричневым слоем. Поперечное сечение бруска имеет форму параллелограмма. В результате два края бруска образованы сходящимися под острым углом гранями. Вдоль каждого из этих краев были нанесены 4 группы по 4 пропила. Интервал между пропилами 2,5-3 мм, расстояние между группами -2,3-3 см (рис. 4, 4). В трех случаях имеется удвоение пропилов, связанное с тем, что инструмент соскользнул в сторону. При 10-кратном и выше увеличении хорошо видны многочисленные параллельные борозды и царапины, покрывающие углубления, которые были сделаны краем кремневой пластины. Несомненно, пропилы являются простейшим орнаментом, основанным на 4-кратной ритмике. Очевидно, число «4» имело особое символическое значение для древнего населения, раз оно было 8 раз воспроизведено на данном предмете. Соответственно, орнаментация предмета, учитывая ее трудоемкость, обладала, прежде всего, неким символическим статусом. Причем, значимыми были необычная форма и цвет бруска.

После нанесения «орнамента» данный предмет многократно использовался как ударный инструмент типа молоточка

по какому-то твердому посреднику или в качестве отжимника-ретушера. В результате этого на широких поверхностях дистальных и проксимальных сегментов образовались скопления звездчатой выкрошенности и лунок, некоторые из которых повреждают пропилы. На дистальном конце имеется небольшая выемка, возникшая в процессе использования бруска в качестве посредника. Также в медиальной части при небольшом увеличении видны параллельные борозды и царапины, появившиеся от использования одного из приостренных краев в операциях скобления или лощения. Разнообразие и интенсивность износа этого предмета указывают на то, что он использовался достаточно продолжительное время в разнообразных операциях как универсальный инструмент. Это не противоречит его предполагаемому символическому статусу. Типологически сходные находки происходят из Центральной Европы: сланцевые гальки продолговатой формы, украшенные на боковых гранях гравированными параллельными линиями, были найдены в палеолитических слоях пещер Пекарна и Бычи скала в Моравии [Елинек, 1985. С. 435. Рис. 723].

Еще один предмет представляет из себя обработанную гальку из белого кварцита размером

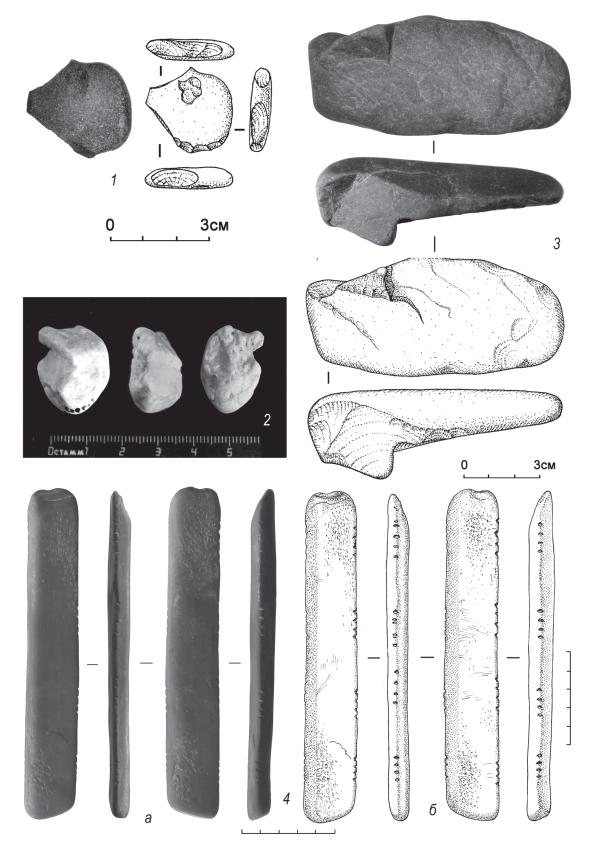

Рис. 4. Каменные изделия верхнего палеолита. I — обработанная галька из кварцито-песчаника — голова животного (?), пещера Неолитовая; 2 — обработанная галька из молочного кварца — голова человека, ст. Сергеевка 1; 3 — обработанная галька из кварцито-песчаника — голова животного, ст. Сергеевка 1; 4 — орнаментированная галька из окремненного сланца с пропилами на боковых гранях, ст. Сергеевка 1 (a — фотография, δ — рисунок). Фото и рис. В.Г. Котова

Fig. 4. Stone products of the Upper Paleolithic. 1 – processed pebble from quartzite-sandstone - animal head (?), Neolithic cave; 2 – processed pebbles made of milk quartz – a human head, Sergeevka 1 site; 3 – processed pebble from quartzite-sandstone - an animal head, Sergeevka 1 site, Upper Paleolithic; 4 – ornamented pebbles of silicified slate with cuts on the side faces, site Sergeevka 1, a – photograph, b – drawing. Photo and picture by V. Kotov

2,5×2×1,5 см с массивным шиповидным выступом (рис. 4, 2). На гальке глубокими сколами на одной стороне образован выступ. С другой стороны выемки углублены крупными плоскими сколами, а также одним крупным краевым сколом осуществлено уплощение поверхности. Выступ на конце сохраняет участок естественной корки, а с боков и в его основании он ретуширован мелкими вертикальными и крутыми сколами. Изделие не является орудием, поскольку шиповидный выступ не мог использоваться в какой-либо трудовой операции. Также изделие не имеет каких-либо следов использования. С большой долей вероятности оно является галечной скульптурой. Типологически сходная скульптура была обнаружена на соседнем памятнике – в пещере Неолитовая (рис. 4, 1). Очевидно, данная галечная скульптура изображает человеческую голову.

Пещера Неолитовая расположена на правом берегу р. Нугуш, в 8,5 км к северо-востоку от д. Сергеевка Мелеузовского района Республики Башкортостан, на юго-восточном склоне горы в 300 м к западу от р. Нугуш, на высоте 1,5 м от уровня первой надпойменной террасы. Вход арочной формы, высотой 2,5 м, шириной 3 м, ориентирован на юго-восток. Длина пещеры 15 м, средняя ширина 2 м, средняя высота 1,2 м, площадь пола пещеры и памятника 30 м². В шурфе 1, заложенном в 10 м от входа, и в шурфе 2 вблизи входа были вскрыты отложения эпохи раннего железа (отдельные находки керамики культуры курмантау и бронзовых наконечников стрел), эпохи бронзы (многочисленные фрагменты керамики срубной и абашевской культур, кости животных, следы бронзолитейного производства), неолита, мезолита и верхнего палеолита [Древности ..., 2018. С. 171-173].

В шурфе 2 в условном горизонте 10, в слоях позднего неоплейстоцена (кудашевский (осташковский) горизонт по данным споро-пыльцевого анализа) была найдена галька из коричневого кварцито-песчаника со следами обработки. Галька размером $10,3\times4,4\times3,5$ см была расколота вдоль, затем одним ударом по боковой поверхности был сформирован выступ, который с торца был дополнительно выделен, а затем его верх был фрагментирован одним широким сколом. Получившийся треугольный выступ был дополнительно углублен несколькими сколами с торца и цепочкой сколов вдоль его основания на боковой поверхности (рис 4, 3). Края гальки имеют негативы полулунных сколов, которые в последующем были сильно затерты. Следы абразивной обработки не были обнаружены, но закругленность и заглаженность края и поверхности изделия следует связывать с этим видом обработки, причем, заполировка поверхности могла быть вызвана трением о кожу (рук или кожаного мешка?). В итоге данное галечное изделие получило вид головы животного с массивной мордой и оттопыренным острым ухом, которое отдаленно напоминает голову лося. Исходя из формы и характера обработки, оно также относится к галечной скульптуре.

Среди многочисленных мелких галек из кварцито-песчаника, обнаруженных в условном горизонте 10, одна плоская галька оказалась обработанной, ее размер $1,6\times2,7\times0,6$ см (рис. 4, 1). У нее двумя сколами были сняты два сектора, в результате чего образовался выступ, у которого на конце сохранился участок естественной корочки. Крупной встречной ретушью дополнительно сегментирована еще четверть периметра этой гальки, очевидно с целью подправки контура. В дополнении к этому, на боковой поверхности с помощью каменного посредника несколькими ударами была сформирована неглубокая лунка (рис. 4, 1). Нефункциональный характер этой обработки, а также размещение искусственной выемки строго в «нужном» месте на плоской боковой поверхности этой гальки, чтобы ее воспринимать как «глаз» живого существа убеждает нас в том, что это еще одна «галечная скульптура», обнаруженная в этой пещере.

Пещера Шульган-Таш (Каповая). Пещера находится в Бурзянском районе Башкортостана на правом берегу р. Белой, в 5 км к западу от д. Гадельгареево (Шульганово) (рис. 1). Пещера разработана по трем ярусам: нижний ярус составляет ложе подземной реки Шульган, средний ярус простирается на расстоянии 350 м, постепенно повышаясь от входа до последнего зала на 25 м. Верхний ярус находится на высоте 30м от пола среднего яруса и тянется на расстоянии около 1 км, понижаясь в самом последнем зале и в конце соединяется с ложем подземного Шульгана. Общая длина пещеры вместе со всеми ходами и залами превышает 3 км. Средний и верхний ярусы соединяются несколькими уступами, которые получили название Каскадной галереи.

В 2009 г. нами был полностью промыт на мелком сите отвал строителей трапов, вскрывших культурные отложения эпохи верхнего палеолита на первом уступе (Балконе) Каскадной галереи. Первый уступ расположен в 150 м от входа на высоте 7-8 м от пола Сталагмитового зала среднего яруса пещеры, образуя небольшую вытянутую площадку размером 4×3 м. Палеолитический возраст отложений был установлен по фауне и споро-пыльцевым анализам, а также С¹⁴ датированием угля из раскопок в этом месте в 2008 и 2011 гг. – 13900 ± 190 л.н. (Ki-15568) и 16710±800 л.н. (Ki-15967) [Котов, 2014а. С. 122]. В ходе промывки было обнаружено около пятисот находок, в основном сколы, осколки и оббитые куски известняка и кальцита, а также орудия из кремня, известняка и кальцита.

Среди находок оказалась одна галечная скульптура. Она представляет собой плоскую гальку подтрапециевидной формы из серовато-зеленого кварцито-песчаника, ее размеры 4,5×3,3×1,3 см (рис. 5, 1). Одна сторона у нее плоская и гладкая. На выпуклой поверхности от глубокой выемки на левой стороне острым твердым посредником до половины гальки сделан горизонтальный желобок. На торцевой грани серией ударов с применением того же инструмента сделан полукруглый желобок глубиной до 1 мм и шириной 1 мм, оформляющий

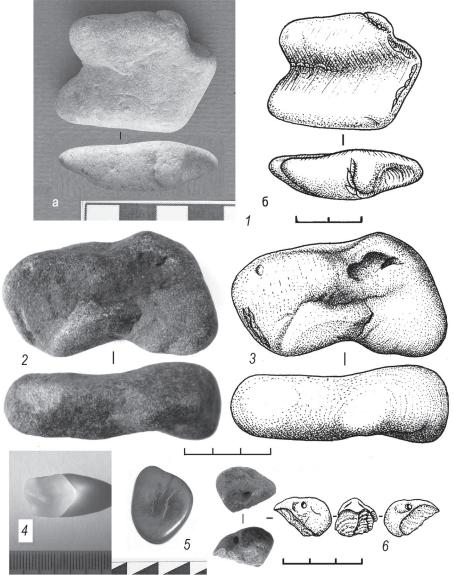

Рис. 5. Каменные изделия верхнего палеолита. I — фигурка мамонта из обработанной некоторых гальки кварцито-песчаника (a — фотография, b — рисунок); b — голова животного из обработанной фигурной гальки, фото (по: [Котов, 2014а. Рис. 4]); b — то же, рисунок; b — хрустальная галька; b — поская галька из серпентинита; b — обработанная галька с естественным отверстием — голова птицы (по: [Котов, 2004. Рис. 13, b]). b — пещера Байсланташ. Фото и рис. В.Г. Котова

Fig. 5. Stone artifacts of the Upper Paleolithic. *I* – a mammoth figurine from processed pebble of quartzite-sandstone, *a* – photograph, *b* – figure; *2* – head of an animal from processed curly pebbles, photo (after Kotov 2014a, Fig. 4); *3* – animal head from processed curly pebbles, drawing; *4* – crystal pebbles; *5* – serpentinite flat pebbles; *6* – processed pebbles with a natural hole - a bird's head (Kotov, 2004, Fig. 13, 1). *I-5* – Shulgan-Tash cave (Kapova), *6* – Bayslantash cave. Photo and pic. by V. Kotov

полусферическую выпуклость. Она дополнительно выделена справа глубокой выемкой — анкошем ударом от нижней плоскости гальки. Параллельно правой наклонной грани цепочкой ударов, произведенных острым твердым посредником, был сделан вертикальный желобок, не доходящий до закругленных выступов (рис. 5, I, δ). Однозначно интерпретировать данное изделие затруднительно. В зависимости от ориентации этой галечной скульптуры ее можно воспринимать и как изображение человека, и как изображение носорога или мамонта. Последнее более предпочтительно, так как здесь присутствуют основные символические детали, которые характеризуют изображение этого животного: голова полусферической формы, от-

деленная от покатой спины небольшой выемкой, хобот и массивное туловище [Любин, 1991]. Очевидно, данное изделие было символическим жертвоприношением в контексте поклонения священной пещере в эпоху верхнего палеолита.

Здесь же была найдена фигурная галька из кварцито-песчаника с кварцевой прожилкой, которая использовалась в качестве ретушера. Она также была принесена в пещеру с берега р. Белая. Подобные находки необычных галечек были сделаны и в других местах пещерного святилища. В частности, в раскопе В.Е. Щелинского в зале Знаков была найдена плоская полированная галечка каплевидной формы из зеленого серпентинита (рис. 5, 5). В плейстоценовых отложениях раскопа 1 в зале Купольном (Капелла Черепов) В.Г. Котовым была найдена полированная хрустальная галечка диаметром около 2 см [Котов, 2011] (рис. 5, 4).

Все это указывает на то, что древние люди придавали особое значение камням необычной формы или с необычными свойствами. В некоторых случаях они могли усиливать это сходство дополнительной обработкой. Подобный пример неутилитарного использования гальки необычной формы известен на стоянке Кара-Бом в Центральном Алтае, исследования которого были начаты А.П.Окладниковым и

продолжены А.П. Деревянко. В отложениях ранней поры верхнего палеолита в углублении, заполненном порошком красно-бурого цвета, вместе с двумя подвесками была обнаружена необычная галька удлиненной формы с зеленоватыми и белыми прожилками, которая использовалась в качестве шпателя [Деревянко, Рыбин, 2005. С. 244. Рис. 14, 1; 15].

Еще одна находка была сделана в шурфе 1 в Западной нише, которая расположена в юго-западной части Сталагмитового зала, приблизительно в 130 м от входа в пещеру Шульган-Таш. В условном горизонте 10 на глубине 0,5 м от поверхности раскопа в плейстоценовых отложениях буровато-коричневого тяжелого суглинка была обнаружена

фигурная галька среднего размера. В этом и в нижележащем условном горизонте были обнаружены единичные орудия из известняка и кремня палеолитического облика. По углю из этого слоя были получены две AMS даты — 14400±134 ВР (NSKA-01922) и 15420±80 ВР (Роz-108009). Калиброванный возраст второй даты — 16906 ВС (95,4%), то есть около 19 тысяч лет.

Находка представляет собой фигурную гальку из кварцито-песчаника, размером 6,4×3,5×2,2 см (рис. 5, 2, 3). В плане она напоминает массивную морду какого-то животного с мощным надглазничным выступом, с естественным углублением на месте «глаза», с вытянутой горбоносой мордой и выемкой под нижней челюстью. На конце «морды» посредством выбивки сделан вертикальный глубокий желобок шириной 2 мм, протянувшийся параллельно краю на расстоянии 1,5 см, обозначающий, скорее всего, рот живого существа (рис. 5, 3). Обратная сторона относительно гладкая и на ней отсутствует рельеф, как на «лицевой» стороне [Котов, 2019]. В отличие от мелких галек, эта галька могла быть принесена только человеком, которого привлекла необычная форма камня. Присутствие следов обработки на этом предмете позволяет отнести его к разряду «галечных скульптур», которые

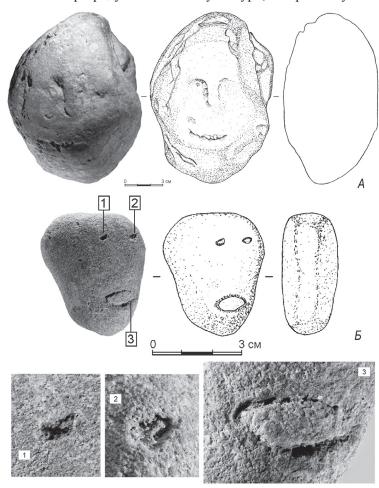

Рис. 6. Стоянка Шульганово-4. A — личина человека на обработанной гальке, известняк; B — личина человека на обработанной гальке, известняк (по: [Румянцев, 2014. Рис. на с. 126]). Фото и рис. М.М. Румянцева

Fig. 6. Shulganovo-4 site. A – mask of a person on processed pebbles of limestone; B – human face on treated pebble from limestone (after Rumyantsev 2014: 126). Photo and picture by M. Rumyantsev

достаточно представлены как в пещере Шульган-Таш, так и на ряде других верхнепалеолитических памятников уральского региона [Котов, 2018].

Об использовании естественных форм уже скальной поверхности в пещере Шульган-Таш свидетельствует моделированный обработкой известняковый натек в виде протомы лошади с длинной, ниспадающей гривой, расположенный по трещине под группой изображений на Восточном панно зала Рисунков верхнего яруса пещеры [Котов, 2009. С. 14]. Второе барельефное изображение лошади находится в Купольном зале справа от Капеллы Черепов. Этот барельеф был зафиксирован фотографом А.К. Солодейниковым, предположившим его искусственность.

Стоянка Шульганово 4. Обнаружена Румянцевым М.М. (ИИЯЛ УФИЦ РАН) в 2013 г. Расположена в Бурзянском районе Башкортостана, в 0,2 км к юго-западу от входа в пещеру Шульган-Таш, на правом берегу реки Белая в устье реки Шульган, вытекающей из пещеры (рис. 1). Заложенный шурф размером 1×2 м был доведен до глубины 1,6 м. В разрезе, начиная с глубины 1 м и на 0,5 м ниже, в коричневом среднем суглинке четко видны четыре углисто-сажистые прослойки плотного суглинка (очажные линзы), разделенные стериль-

ными прослойками мелкозернистого песка. Пятый культурный слой выделен на основе угольков и археологических находок, залегающих в темно-сером среднем суглинке с известняковой щебенкой. Проведенный спорово-пыльцевой анализ показал кудашевское (осташковское) время функционирования очажных прослоек и табулдинское (ленинградское) время нижнего пятого слоя [Румянцев, 2014. С. 125].

Первые находки были обнаружены в 4-й очажной линзе (культурный слой 4), они представлены куском обожженной глины (обмазка?) и двумя изделиями (скребок и острие) на сколах из кварцитопесчаника. Археологический материал из отложений темно-серого суглинка (культурный слой 5) представлен подвеской (или нашивкой) из плоской сланцевой галечки темно-зеленого цвета размером $0.8 \times 0.5 \times 0.1$ см. Здесь же были обнаружены заготовка подвески из бивня мамонта (размером $0.9 \times 0.6 \times 0.15$ см), массивный вторичный скол с гальки из кварцитопесчаника и орудие на массивном сколе известняка. В этом слое также были обнаружены две галечных скульптуры [Румянцев, 2014. С. 126].

Скульптура № 1 на известняковой гальке уплощенной яйцевидной формы размером 13,3×10×7,3 см (рис. 6, *A*). На одной стороне посредством пикетажа были сделаны два углубления на месте глаз и выделена линия носа. Ниже на расстоянии, примерно равном длине носа, цепочкой сколов сделана слегка изогнутая

глубокая линия рта длиной 3,5 см. Поверхности сколов слегка заглажены растворением. Изображение является личиной человека.

Галечная скульптура № 2 из гладкой известняковой овальной гальки, размером 4×3,4×1,7 см (рис. 6, Б). На одной стороне гальки на расстоянии 1 см друг от друга со сдвигом вправо пикетажем выбито два углубления неправильной формы $2 \times 1,5$ мм и глубиной около 0,5 мм. В нижней части пикетажем выбит желобок линзовидной формы, обозначающий рот человека. Обратная поверхность гальки гладкая, слегка растворена выщелачиванием. Данная скульптура также является личиной человека. Она отличается от предыдущей отсутствием носа и другим набором средств выражения образа. Эти находки находят аналогии с галечной скульптурой, найденной в пещере Шульган-Таш [Румянцев, 2014. С. 127]. Кроме того, близость памятника ко входу в пещерное святилище, использование в качестве основы галек не из кварцито-песчаника, а из известняка, возможно было связано с сакральностью «пещерного» камня (известняка и кальцита), выявленная нами в ходе исследования пещерного святилища Шульган-Таш [Котов, 2011; 2014а]. Без всякого сомнения, данный памятник связан с пещерным святилищем.

Пещера Байсланташ (Акбутинская). Расположена в 1 км западнее хутора Акбута в Мелеузовском районе Башкортостана, в 45 км ниже по течению р. Белой от пещеры Шульган-Таш, на правом берегу р. Белой на высоте 16 м над уровнем реки (рис. 1). Высота входа пещеры 17 м, ширина 8 м, длина 110 м, средняя высота 4,5 м, средняя ширина 3,6 м. Пещера относительно сухая. Масштабные исследования пещеры проводились в 1999-2002 гг. Южно-Уральской палеолитической экспедицией по руководством В.Г.Котова, когда было вскрыто около 70 м² [Котов, 2004]. Слой 3 светло-бурого среднего суглинка, заключающий культурные остатки конца верхнего палеолита, датирован верхним звеном неоплейстоцена, осташковским временем, а по костям мелких млекопитающих была получена некалиброванная дата 13560±250 л.н. (ГИН-10853). Всего в палеолитическом слое было обнаружено 1384 предмета из камня и кости. Индустрия пещеры Байсланташ находит аналогии среди памятников уральской традиции верхнего палеолита [Котов, 2014б].

К категории украшений или амулетов нами была отнесена галечка из кварцито-песчаника с отверстием («куриный бог»), расколотая и подработанная по поверхности скола двумя снятиями так, что она приобрела вид головы хищной птицы с клювом (рис. 5, 6). Размер изделия 2×1,5×1,7 см [Котов, 2004. Рис. 13, 1]. Сочетание естественного отверстия и необычной формы, стали причиной отбора данной галечки, которая была очень точно и аккуратно оформлена в миниатюрную скульптуру.

Стоянка Шированово II. Расположена в устье р. Иньвы на правом берегу Камского водохранилища вблизи д. Шированово (Ильинский р-н Пермского края) (рис. 1). Памятник был открыт

и изучался с 1990 по 2000 гг. Э.Ю. Макаровым, в 2006 г. — П.Ю. Павловым [Макаров, Павлов, 2007]. Стратиграфическое положение культурных отложений имеет сходство со стоянками им. Талицкого и Ганичата II, что предположительно указывает на их сходный возраст. На стоянке были собраны кости плейстоценовых животных: лошади, мамонта, носорога, северного оленя. Коллекция каменных изделий составила около 5 тысяч экземпляров, в том числе около 700 орудий. По технико-типологическим характеристикам памятник является также полной аналогией стоянки им. Талицкого [Макаров, Павлов, 2007. С. 12]. Она также относится к кругу памятников уральской верхнепалеолитической традиции [Котов, 2014б].

С определенными оговорками к «галечной» скульптуре можно отнести фигурку «мамонта» с этой стоянки [Сериков, 2014. Фото 7, *I*] (рис. 7, *I*). От обычных «фигурных кремней» она отличается тем, что это объемная двусторонняя скульптура. Из цельного плоского куска кремня обивкой и ретушью были сформированы на обеих сторонах тело с выпуклой в виде арки спиной, передние или задние ноги выделены продольными желобками, шишковидная голова с хоботом отделена от спины глубокой выемкой. Размер фигуры 6,3×6,3×3 см. По форме и по характеру обработки данное изделие занимает промежуточное положение между «фигурными кремнями» и «галечными скульптурами».

Стоянка Горная Талица. Памятник находится в 0,5 км к востоку от дачного поселка Горная Талица Добрянского района Пермской области, на разрушенной водами Камского водохранилища первой надпойменной террасе р. Чусовая (рис. 1). На поверхности террасы в трех компактных скоплениях и в раскопе И.К. Кирьяновым и П.Ю. Павловым в 1976 г. было собрано 2234 экз. каменных изделий верхнепалеолитического облика. Возраст памятника определяется приблизительно, по стратиграфии сохранившегося останца первой надпойменной террасы, в которой находки приурочены к слою темно-серой гумусированной супеси – погребенной почвы, которая сформировалась в относительное потепление в эпоху позднего неоплейстоцена, предположительно, в аллерёде [Мельничук, Павлов, 1987. С. 7]. Характеризуя индустрию стоянки Горная Талица, авторы отмечают много общих черт с памятниками верхнего палеолита уральского региона (стоянка им. Талицкого, грот Столбовой, Медвежья пещера) и основным отличием является большое количество резцов [Там же. С. 16]. Вместе с тем, коллекция стоянки находит полную аналогию по характеру первичной обработки и набору типов каменных изделий со стоянкой Сергеевка 1 на р. Нугуш: нуклеусы подпризматические однопараллельно-встречного двухплощадочные, снятия, многоплощадочные, дисковидные; много усеченных пластин, орудий с шипом, проколок, угловых форм, большое разнообразие резцов, концевых скребков, присутствуют пластины с притупленной спинкой, пластины с ретушью, острия, а также скребла на крупных галечных отщепах и на

плитках [Там же; Гимранов и др., 2012]. Исходя из того, что стоянка Горная Талица относится к той же культурной традиции, что и стоянки им. Талицкого и Сергеевка 1, можно предположить и приблизительно ее сходный возраст в рамках конца верхнего неоплейстоцена.

Одна находка у авторов вызвала сомнение в принадлежности к палеолитическому памятнику это плоская галька из зеленого сланца с забитыми концами, очевидно отбойник, у которой на обеих плоских поверхностях были сделаны гравировки: в одном случает головы лося, а в другом - изображение было только начато и оно представляет две линии – одна прямая, а другая в форме зигзага [Мельничук, Павлов, 1987. С. 15. Рис. 6] (рис. 7, 2). Ю.Б. Сериков отмечает, что форма гальки ассоциируется с гравированным изображением на ее боковой поверхности: «Своей формой галька очень похожа на голову лося. Древний человек выбрал гальку, в очертаниях которой присутствуют характерные черты животного: горбатый нос, отвисшая нижняя губа и подчелюстная выемка. Интересно отметить, что и галька и гравированное изображение имеют характерный для головы лося изгиб. Причем, изгиб гравированного изображения находится в перевернутом на 180° положении по отношению к изгибу гальки» [Сериков, 2007б. С. 31].

Обсуждение

Рассмотренная выше коллекция, несмотря на свою немногочисленность, позволяет говорить о широком распространении данного явления в верхнем палеолите уральского региона: традиция использования естественных форм в изобразительной практике относится как к началу верхнего палеолита, так и к финалу палеолитической эпохи. Принципы изобразительной деятельности для изделий из фигурной гальки сходны: природная форма лишь дополняется отдельными деталями посредством оббивки, пикетажа, пиления и гравировки.

Можно было бы предположить случайный характер присутствия подобных предметов, например, в качестве игрушек или сувениров, если бы они не были бы подвергнуты тщательной обработке. Кроме того, обнаружение трех скульптур в пещерном святилище Шульган-Таш (Каповой) и одного на предполагаемом святилище в пещере Байсланташ, а также следы охры на галечной скульптуре со стоянки Сергеевка 1 свидетельствуют о символическом статусе данных предметов. Для каменного века вообще характерен культ камня и костей почитаемых (тотемных) животных. В рамках этого культа, как показывают материалы из святилищ Южного Урала (Черноозерье II, Большие Аллаки, Игнатиевская, Шульган-Таш (Каповая), Заповедная, Мурадымовская 2) сакральными функциями обладает и сам процесс раскалывания и обработки камня [Петрин, 1992. С. 80; Волков, 2004. С. 211-212; Котов, 2011. С. 161; Котов, 2014а]. Очевидно, существование «галечной скульптуры» следует

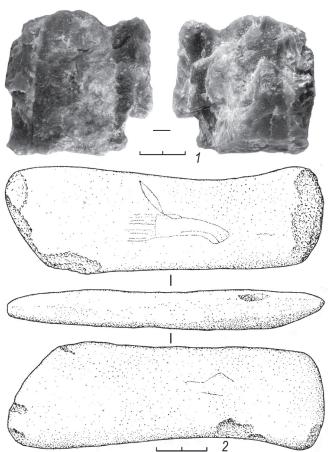

Рис. 7. Каменные изделия верхнего палеолита. I — фигурка «мамонта» из кремня, стоянка Шированово II (по: [Сериков, 2014. Фото 7, I]); 2 — фигурная галька — отбойник из кварцитопесчаника с гравированными рисунками, стоянка Горная Талица (по: [Мельничук, Павлов 1987, Рис. 6])

Fig. 7. Stone products of the Upper Paleolithic. *I* – "mammoth" figurine from flint Shirovanovo II site (after Serikov 2014, photo 7, 1); 2 – shaped pebbles – quartzite-sandstone chipper with engraved drawings, Mountain Talitsa site (after Melnichuk, Pavlov 1987, Fig. 6)

воспринимать в контексте почитания камня как некой «одушевленной» субстанции.

Само по себе сходство природных форм камня и кости с конкретными образами животных или человека должно было восприниматься первобытным человеком как чудо, или точнее, как проявление или точнее «овеществление» в камне или кости некоего минимума-зародыша души этих животных или человека. Из этнографии мы знаем, что душизародыши находятся в потустороннем мире и материализуются в нашем мире по велению Хозяина душ-предков и животных. При этом производимая доработка таких предметов есть окончательное извлечение образа из природного контекста. Отсюда такие изделия должны с неизбежностью восприниматься как некие вместилища души – амулеты или даже идолы. Данная реконструкция предполагаемого мифологического содержания этих предметов позволяет понять устойчивость этой традиции на протяжении десятков тысяч лет.

Изобразительная практика на основе природных форм в постпалеолитическую эпоху

Для территории Южного Урала после оледенения было характерно сохранение в материальной

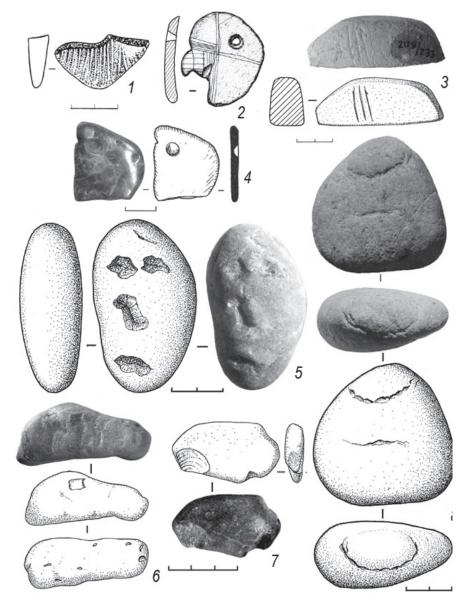

Рис. 8. Каменные изделия со стоянок Южного Урала эпохи голоцена: I — фигурная галька с гравированными линиями — птица (?), пос. Ильмурзино, мезолит (по: [Матюшин, 1976. Табл. 6, I6]); 2 — голова человека в профиль с гравированными линиями на гальке из мягкого камня, пос. Ильмурзино III (по: [Матюшин, 1982. Рис. 55, I]); 3 — брусок из известняка с гравированными линиями, пос. Муллино, неолит-энеолит (Октябрьский музей); 4 — обработанная фигурная галька из серпентинита — голова животного (?), грот Археологов, энеолит (по: [Котов, 2004]); 5 — обработанная галька из кварцито-песчаника — голова лося (?), эпоха бронзы — раннего железа, пещера Неолитовая (по: [Котов, 2018]); 7 — обработанная фигурная галька из кварцито-песчаника — голова лося, пещера Неолитовая, эпоха бронзы — раннего железа (по: [Котов, 2018]); 8 — обработанная галька из кварцито-песчаника — личина человека, оз. Иткуль, неолит-энеолит

Fig. 8. Stone products from the the Southern Urals sites of the Holocene epoch: *I* – figured pebbles with engraved lines - bird (?), Ilmurzino site, Mesolithic (after Matyushin, 1976, pl. 6, 16); 2 – a person's head in profile with engraved lines on pebbles made of soft stone, Ilmurzino III site (after Matyushin 1982, Fig. 55, 1); 3 – limestone bar with engraved lines, Mullino site, Neolithic-Eneolithic (Museum of the city of Oktyabrsky); 4 – processed figured pebble made of serpentinite - head of an animal (?), The grotto of Archaeologists, Eneolithic (after Kotov, 1999); 5 – processed pebble from quartzite - a human face, lake Itkul, Neolithic-Eneolithic; 6 – processed figured pebble made of quartzite-sandstone - moose head (?), Bronze Age – early Iron age, Neolithic cave (after Kotov, 2018); 7 – processed figured pebbles - moose head, Neolithic cave, Bronze Age – early Iron age (after Kotov, 2018); 8 – processed pebbles from quartzite-sandstone – a human mask, lake Itkul, Neolithic-Eneolithic

культуре традиций верхнепалеолитической эпохи, что было неоднократно отмечено исследователями мезолита и неолита [Петрин, Смирнов, 1977. С. 75-85; Матюшин, 1976. С. 194; Мосин, 2000. С. 52; Котов, 2009. С. 55].

Одной из ярких общих черт духовной культуры первобытных охотников и собирателей в эпоху голоцена с палеолитическими предшественниками является продолжение традиции изготовления культовых изображений из естественных форм

камня, кости, раковины и, очевидно, дерева. На примере памятников Среднего и Южного Урала об этом писал Ю.Б. Сериков [Сериков, 2004; 2005а; 2005б; 2007б]. Он же обратил внимание исследователей на подобные находки, сделанные еще в 60-х годах XX века Г.Н. Матюшиным на территории Южного Урала. В частности, в обобщающей монографии Г.Н. Матюшина по мезолиту Южного Урала среди находок из мезолитического слоя (горизонт 4) со стоянки Ильмурзино приводится

фигурная галька размером $4\times2,5\times0,8$ см с 13 вертикальными гравированными линиями, покрывающими одну из поверхностей предмета, причем камень имеет форму силуэта птицы [Матюшин, 1976. Табл. 6, 16]. В тексте отсутствует описание этого предмета и породы камня (рис. 8, 1).

Второй предмет из раскопок Г.Н. Матюшина с многослойного поселения Муллино на окраине г. Октябрьского на северо-западе Башкортостана из энеолитического слоя – это также фигурная тонкая галька, которая имеет контур, ассоциирующийся с профилем человека с массивным загнутым крючком носом (рис. 8, 2). Высота 4 см, ширина 3,6 см. На месте глаза имеется сквозное отверстие искусственного происхождения, на основе чего Г.Н. Матюшин отнес эту находку к подвескам. На одной поверхности гальки половина заштрихована гравированными линиями: двойные линии образуют крест, левый нижний сектор которого заполнен сеткой и параллельными линиями, участок левого правого сектора также частично заполнен параллельными линиями. На месте «рта» имеется пропил [Матюшин, 1982. Рис. 55, 1]. Судя по тому, что линии тонкие и прямые, а изделие из мягкой породы камня (сланец, тальк и др.), для нанесения линий использовался угол кремневой или яшмовой

Третий предмет тоже происходит со стоянки Муллино (рис. 1), но уже из раскопок А.П.Шокурова. Материалы раскопок хранятся в фондах Октябрьского историко-краеведческого музея им. А.П. Шокурова (фонд № 2110). Интересующее нас изделие представляет собой удлиненную известняковую гальку с плоским основанием, у которой на боковой поверхности были выгравированы три вертикальные параллельные линии (рис. 8, 3). Определить к какому из трех слоев относится данное изделие (мезолит, неолит или энеолит)не представляется возможным. Все три предмета объединяет сходная техника оформления естественных форм галек посредством гравированных линий.

Грот Археологов составляет одно целое с пещерой Байсланташ и расположен на 10 м ниже поверхности пола пещеры. Соответственно, его местонахождение совпадает с описанным для пешеры Байсланташ. Он расположен на высоте 11 м над уровнем р. Белая и представляет собой небольшой грот 4×2 м, ориентированный на юго-восток. Стены грота арочной формы плавно понижаются внутрь. Полость сухая, хорошо прогревается в полдень. Отложения имеют мощность до 1,5 м. Выявлены культурные горизонты средневековья, раннего железного века, бронзы и, в самом низу, - находки эпохи энеолита, представленные керамикой, каменными и костяными изделиями. В этом слое была найдена плоская полированная галечка из серпентинита серого цвета размером 2,5×2,3×0,3 см с глухой сверлиной неправильной формы, очевидно, сделанной вручную [Древности..., 2018. С. 133-134]. На боковой грани рядом с искусственным углублением был сделан глубокий поперечный пропил. Часть гальки была обломана в древности, причем края были закруглены и заглажены (рис. 8, 4). Принимая во внимание то, что мастеру не составляло никакого труда проделать встречное отверстие для превращения этого изделия в подвеску, а также наличие пропила на боковой грани гальки, этот предмет с большой долей вероятности следует относить к «галечным скульптурам».

позднеголоценовых отложениях описанной выше пещеры Неолитовая (р. Нугуш, Мелеузовский район РБ) были найдены две фигурные гальки с обработкой. Одна уплощенная галька из кварцито-песчаника необычной формы найдена в отвале шурфа зоологов, имеет негатив искусственного скола, утончающего поверхность, ее размер $4,7\times2,7\times0,8$ см (рис. 8,7). Она похожа на голову лося и, очевидно, относится к типу «галечных скульптур» [Сериков, 2014. С. 43-51]. В условном горизонте 4 (глубина 0,15-0,2 м от поверхности) шурфа 1 вместе с керамикой эпохи бронзы была найдена речная галька из кварцито-песчаника (размер $2,3\times5,5\times2$ см), которая была явно принесена сюда человеком. По форме она похожа на голову животного. В районе глаза человеком в технике пикетажа была сделана выемка (рис. 8, 6). Это тоже «галечная» скульптура, которая также ассоциируется с головой лося [Древности ..., 2018. C. 171-173].

Весьма интересные материалы происходят с оз. Иткуль в Челябинской области (рис. 1). На площадке при впадении р. Исток в оз. Иткуль на обнажении береговой полосы Г.Ф. Ковалевой и А.Е. Ковалевым (краеведческий кружок г. Снежинска) были собраны многочисленные находки фрагментов керамики, которая относится к неолиту (романовская, козловская и полуденовская культуры), энеолиту (аятская, липчинская культуры) и бронзовому веку (березовский тип). В коллекции присутствуют многочисленные изделия из камня, а также две скульптуры из галек¹.

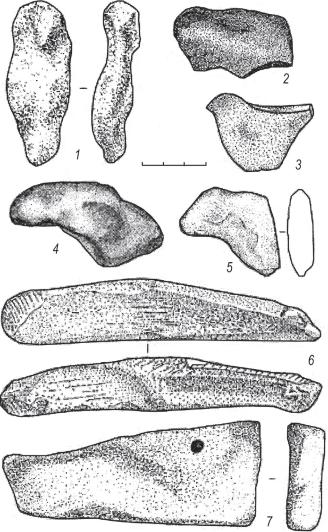
Первая скульптура из кварцевой гальки бежево-оранжевого цвета овальной формы, слегка приплюснута, имеет размер 6,7×4×2,5 см. На торцах присутствует забитость поверхности в виде звездчатой выкрошенности. На плоской части были сделаны четыре углубления неправильной формы длиной от 1 до 1,5 см, шириной 0,5-0,7 см и глубиной 0,3-0,4 см. Два углубления расположены в верхней части гальки, третье углубление вытянутой формы ориентировано вдоль продольной оси, четвертое вытянутое углубление в нижней части ориентировано вдоль поперечной оси (рис. 8, 5). Судя по следам, они сделаны выбивкой с помощью каменного инструмента, очевидно, в неолите или энеолите. Расположение выемок позволяет полагать, что данный предмет представляет собой галечную скульптуру, изображающую личину человека.

Вторая галька из мелкозернистого кварцитопесчаника серого цвета каплевидной формы, имеет

¹ Благодарю Е.А. Ахметову (ИИЯЛ УФИЦ РАН) за предоставленные материалы.

размер 6×6×3 см. На одной относительно плоской стороне в верхней зауженной части посредством выбивки был сделан желобок полукруглой формы длиной около 3,5 см и шириной 0,3 см, который слегка заходит на боковые грани. Приблизительно посередине выбивкой был сделан прямой желобок длиной около 2,5 см. Обработка осуществлялась явно каменным острием. Особенности расположения обработанных участков также указывают на то, что и в этом случае целью мастера являлось изготовление личины человека: полукруглый желобок – прическа или линия глаз, прямая линия – рот (рис. 8, 8). То, что галечные скульптуры были изготовлены посредством каменных инструментов, указывает с большей вероятностью на принадлежность их к эпохе камня (неолит-энеолит).

Еще одна находка была обнаружена Ю.Б. Сериковым в коллекции мезолитической стоянки Андреевка III (Челябинская область). Это слегка изогнутая вытянутая фигурная галька длиной около 15,5 см и шириной 3 см, один конец ее имеет очертания, напоминающие голову медведя (рис. 9, 6). При исследовании энеолитической стоянки-мастерской Боровка III (Среднее Зауралье) в одном из очагов Ю.Б. Сериковым была найдена фигурная галька антропоморфной формы (рис. 9, 1). Серия из пяти зооморфных галек была им обнаружена на

культовом озерном центре эпохи энеолита Шайтанское озеро I (Среднее Зауралье) (рис. 9, 5) [Сериков, 2007б. С. 30-31].

Большая часть фигурных галек была обнаружена Ю.Б. Сериковым в пещерных святилищах Среднего Урала, в основном, в культурных слоях эпохи средневековья. В пещере Туристов 34 гальки из средневековых слоев имеют зооморфные формы, среди которых преобладают головы животных. Некоторые фигурные гальки были дополнительно подправлены сколами или удалялась тыльная часть гальки. В Кумышанской пещере выделено 42 гальки зооморфного облика. Среди них две гальки изображают целые фигуры – птицы и животного. Плоская галька в виде птички (воробья или синицы), не имеет следов обработки. Ее длина 5,1 см (рис. 9, 3). У гальки, имеющей облик фигуры животного, в нижней части были сняты два крупных скола, которыми выделены крупная голова и ноги (рис. 9, 2). Скульптура имеет длину 5,5 см и ширину 3,2 см. Она напоминает полную фигуру мамонта.

Все остальные фигурные гальки представлены изображениями голов животных. Семнадцать галек изображают головы лосей (рис. 9, 4, 7). Одна скульптура выполнена на фигурной гальке размером 13,4×4,9×2 см. От гальки отсечена тыльная часть. Глаз показан сверленым углублением (рис. 9, 7). По мнению Ю.Б. Серикова, «зауженная вытянутая морда, и высоко расположенный глаз указывают на сходство с хищной рыбой (шукой?)» [Сериков, 2007б. С. 33]. По нашему мнению, галька имеет черты сходства с головой животного. Нам трудно по этой форме однозначно утверждать, что под ней полагали те, кто ее использовал в своей духовной практике.

Проанализировав все находки, Ю.Б. Сериков пришел к следующим выводам: «Одна группа представлена гальками без следов подработки, у которых узнаваемость образа достигается за счет естественных неровностей поверхности гальки. Обычно эти неровности подчеркивают характерные черты животного. Вторая группа галек имеет

Рис. 9. Каменные изделия эпохи голоцена. I — фигурная галька из кварцито-песчаника, стоянка Боровка III, энеолит; 2 — обработанная фигурная галька из кварцито-песчаника — фигура животного, пещера Кумышанская, средневековье; 3, 4 — фигурная галька из кварцито-песчаника, пещера Кумышанская, средневековье; 5 — обработанная фигурная галька — голова животного, стоянка Шайтанское озеро I, энеолит; 6 — обработанная фигурная галька, стоянка Андреевка III, мезолит; 7 — обработанная фигурная галька из кварцито-песчаника — голова животного, пещера Кумышанская, средневековье (все по: [Сериков, 20076])

Fig. 9. Stone artifacts of the Holocene era: *1* – figured pebbles of quartzite-sandstone, Borovka III site, Eneolithic (after Serikov, 2007b); *2* – processed figured pebble made of quartzite-sandstone - animal figure, Kumyshanskaya cave, the Middle Ages (after Serikov, 2007b); *3*, *4* – figured pebbles of quartzite-sandstone, Kumyshanskaya cave, the Middle Ages (after Serikov, 2007b); *5* – processed figured pebbles - animal head, site Shaitan Lake I, Eneolithic (after Serikov, 2007b); *6* – processed figured pebbles, Andreevka III site, Mesolithic (after Serikov, 2007b); *7* – processed figured pebble made of quartzite-sandstone – head of an animal, Kumyshanskaya cave, the Middle Ages (after Serikov, 2007b)

следы двух видов обработки. В одном случае от гальки просто отсечена лишняя часть, что придавало изображаемой фигуре большую выразительность. В другом случае незначительной подработкой подчеркивались детали образа. Чаще всего несколькими сколами обозначались шея животного, разрез рта или глаз. Но в одном случае глаз рыбы или животного был показан глухой сверлиной. Повторяемость признаков оформления и серийность находок позволяют считать зооморфные гальки артефактами» [Сериков, 2007б. С. 33-34]. По его мнению, подавляющее большинство галек изображают головы животных, из них 40% принадлежала лосю и столько же принадлежала головам неопределимых животных, что было связано со своеобразным «культом голов», который существовал во все археологические эпохи, начиная с верхнего палеолита и заканчивая средневековьем [Там же. С. 35-36]. Кроме лося в галечном комплексе зафиксированы изображения рыбы, птицы, медведя и змеи. Обращает на себя внимание отсутствие в эпоху средневековья среди галечных скульптур образа человека, что было связано, по мнению Ю.Б. Серикова, с различиями в семантическом наполнении этого образа в сравнении с образами животных. Исследователь исходит из того, что все находки в пещерных комплексах представляют собой остатки жертвоприношений, поэтому галечные скульптуры также следует отнести к жертвам в контексте обрядов по увеличению численности промысловых животных [Там же].

Не отрицая использование фигурных галек и галечных скульптур в обрядах промыслового культа в качестве приношений, считаем, что использование этих предметов было значительно более разнообразным. Особенности оформления галечных скульптур в верхнем палеолите позволяют предполагать, что в результате оформления у галек не просто дополнительно усиливалось сходство с теми или иными образами, но данные предметы «оживлялись», поскольку у них появлялись глаза и рот, т.е. они наделялись душой и, в конечном итоге, воспринимались уже как вместилища духов-покровителей человека, а значит, как культовые предметы высокого уровня сакральности.

Здесь надо отметить, что сам процесс обработки любого камня, очевидно, воспринимался древним человеком как сакральный процесс – по аналогии с процессом культового раскалывания камня, известного на ряде святилищ уральского региона от палеолита до средневековья [Бадер, 1954; Петрин, 1992; Сериков, 20076; Котов, 2014а; Косинцев и др., 2018]. Не случайно, в пещерных святилищах Среднего Урала в отложениях эпохи средневековья фигурные гальки и галечные скульптуры соседствуют с многочисленными расколотыми в культовых целях гальками [Сериков, 20076].

Аналогии на археологических памятниках Евразии

Одни из самых ранних памятников с примерами скульптурных произведений на основе природ-

ных форм происходят из Забайкалья. На крупном поселении раннего этапа верхнего палеолита Толбага, возраст которого около 35 тыс. лет, М.В. Константиновым была найдена скульптура головы медведя, сделанная на обломке позвонка шерстистого носорога [Константинов, 2011. С. 53-54]. Скульптура имеет размеры 11×7,5 см, Выполнена без проработки мелких деталей (рис. 10, 1). На другом поселении, раскопанном М.В. Константиновым (Студеное-2), в толще второй надпойменной террасы на глубине 6 м было вскрыто жилище с многочисленными находками верхнепалеолитического облика. Вне жилища в культурном слое была найдена голова лося, выполненная из левой пяточной кости архара. Скульптура сохраняет естественную форму кости, но пришлифована по всей поверхности [Там же. С. 54] (рис. 10, 2).

Еще одна находка, которую с определенной достоверностью можно отнести к галечным скульптурам, происходит с поселения Малая Сыя в Хакассии. Оно расположено в долине р. Белый Июс на восточных склонах Кузнецкого Алатау. По радиоуглеродному датированию поселение имеет возраст от 33 до 34,5 тыс. лет [Ларичев, 1979. С. 164].

Скульптура изготовлена из плоско-выпуклой гальки темно-серого окремненного песчаника (рис. 10, 3). Концы гальки были обработаны крупными полулунными сколами крутой направленности. Обработанные плоскости были затем покрыты охрой. Сколами и выбивкой была сделана на боковой грани гальки глубокая выемка, отделившая голову мамонта от спины. Точечной выбивкой по краю гальки ниже головы оформлены «...крутая выпуклость нижней части лба, округлый глаз, характерный с горбинкой хобот и глубокий вытянуто-овальный слегка приостренный на конце желобок, отделяющий хобот и валик бивня от туловища. Поверхность тела сплошь покрыта тончайшими штрихами и следами процарапывания галечной корки. Следы красновато-коричневой краски сохранились на голове скульптуры и в области задней части тела мамонта. Краска нанесена тонкими полосками. Возможно, это даже и не остатки сплошного закрашивания, а следы росписи. На поверхности нижней трети камня сохранились довольно значительные участки, покрытые пастой, которую затем окрасили красновато-коричневой краской» [Ларичев, 1979. С. 167. Рис. 2, 3]. Характер обработки, описываемый В.Е. Ларичевым, подтверждается фотографией, и изделие по своему внешнему виду и по характерным признакам, выделенным обработкой, однозначно соотносится с образом мамонта [Ларичев, 1979. Рис. 2].

Еще одна важная находка, относящаяся к финалу эпохи палеолита, была найдена совсем в другой части палеолитической ойкумены — в Приазовье. Финальнопалеолитические местонахождения возле хутора Рогалик Луганской области были открыты в начале XX века. Начиная с 70-х годов памятники исследовались экспедицией под руководством А.Ф. Горелика [Горелик, 1997; Ветров, 2005]. С этих памятников происходит серия нахо-

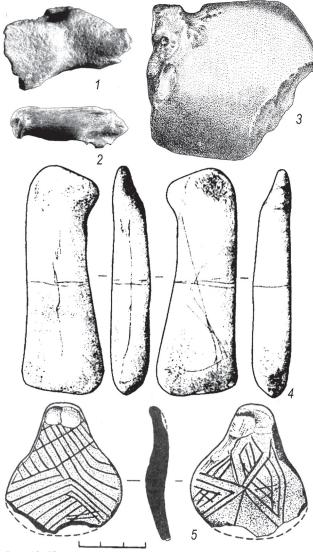

Рис. 10. Каменные и костяные изделия верхнего палеолита. 1 — голова медведя из позвонка носорога, пос. Толбага, ранний этап верхнего палеолита (по: [Константинов, 2011]); 2 — голова лося из пяточной кости архара, пос. Студеное-2, верхний палеолит (по: [Константинов, 2011]); 3 — фигура мамонта на гальке из окремненного песчаника, пос. Малая Сыя (по: [Ларичев, 1980. Рис. 3]); 4 — фигурная галька с гравированными линиями, ст. Рогалик (по: [Ветров, 2007])

Fig. 10. Stone and bone products of the Upper Paleolithic: *1*- head of a bear from a rhino vertebra, Tolbaga site, early stage of the Upper Paleolithic (after Konstantinov, 2011); 2 – moose head from calcaneus of argali, Studenoe-2 site (after Konstantinov, 2011); 3 – figure of a mammoth on pebble of silicified sandstone, Malaya Syya site (after Larichev 1980, Fig. 3); 4 – figured pebble with engraved lines, Rogalik site (after Vetrov, 2007)

док палеолитического искусства, среди которых присутствует интересующий нас предмет [Горелик, 1997. С. 173-174; Ветров, 2007]. Изделие со стоянки Рогалик VII представляет собой плоскую гальку удлиненной формы из карбонового сланца с угловым выступом на одном конце (рис. 10, 4). На противоположных углах имеются три участка забитости, связанные с использованием этого предмета в качестве ретушера и отбойника. В плане галька напоминает фигурку вертикально стоящего животного с большой треугольной головой, а при горизонтальной ориентации она похожа на голову лошади или лося. Посередине галька опоясана гравированной, местами двойной, линией, сделанной

резцом. На одной плоской стороне прочерчена наискосок прямая линия и в нижней половине — зизгаг. На противоположной стороне вдоль продольной оси выгравирована прерывистая неровная линия [Горелик, 1997. С. 174]. Гравированные линии и, особенно, горизонтальный поясок, подчеркивают антропоморфный характер этой галечной скульптуры, поскольку эта деталь является важнейшей при символичном оформлении стилизованных изображений женских фигур в верхнем палеолите костенковско-боршевской культуры на стоянке Мезин [Абрамова, 1966. Табл. XIV, 15, 28].

Кроме описанной, в этом же районе были обнаружены еще две схематических женских скульптуры. Одна скульптура со стоянки Рогалик XII сделана из диабаза, представляла скульптурное схематическое изображение женского торса с выраженной в профиле седалищной частью и выделенными ягодицами. Скульптура была смоделирована с помощью разнообразной техники пикетажа, прорезания, выскабливания, абразивной обработки, шлифовки. Следы повреждения на ней указывают на возможное использование изделия в качестве отбойника-ретушера [Горелик, 1997. С. 172]. Вторая статуэтка – это фигурная галька из лимонитовой корки с незначительной обработкой: в частности, боковая грань заготовки была подправлена абразивным инструментом, на одной из сторон присутствуют следы широкого среза для придания фигурке характерного профиля. В итоге галька получила контур стилизованной женской фигуры с широким тазом, с выделенным в профиле ягодичным выступом и коротким торсом. Обе плоскости покрыты сложными гравированными орнаментами [Там же. С. 170-171]. Размеры статуэтки $5.7 \times 1.9 - 5.1 \times 0.6$ см (рис. 10, 5). Ближайшей и единственной приблизительной аналогией являются условные женские изображения с палеолитической стоянки Мезин, у которых присутствует не только определенное стилистическое сходство в форме статуэток, но и в мотивах их орнаментации [Там же. С. 171]. По мнению А.Ф. Горелика, условиями проникновения антропоморфных изображений в южнорусские степи являлись определенное генетическое родство населения Северского Донца с населением центра Русской равнины, а также усилившимися этническим и культурным взаимодействием в конце эпохи палеолита Там же. С. 178]. Последнее может объяснить и использование в изобразительной практике Рогаликского очага палеолитического искусства галечных форм, характерных больше для восточной части Евразии.

Практика использования естественных форм кости присутствует как элемент в изобразительной деятельности развитой художественной традиции павловско-костенковско-виллендорфской общности. Например, на стоянке Авдеево, наряду с женскими статуэтками, присутствует антропоморфная фигурка из метакарпальной кости мамонта. Высота ее 9 см (рис. 11, 6). Дистальная часть кости отделена широким и глубоким надрезом, формируя массивную голову округлой формы. На

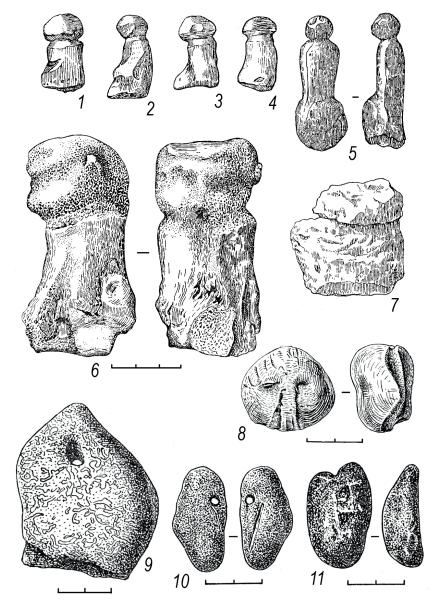

Рис. 11. Костяные и каменные изделия верхнего палеолита Центральной и Восточной Европы. 1-4 — антропоморфные фигурки из метакарпальных леньких хорошо обточенных галекостей мамонта, Пшедмость; 5 — антропоморфная фигурка, Тру-Магрит; 6 — антропоморфная фигурка, Тру-Магрит; 6 — чек, отличающиеся причудливой формой. По форме и размеру они из галечек, Костенки 1 (1-7 — по: [Абрамова, 1966. Табл. XX], 8-11 — по: [Ефименко, 1958])

Fig. 11. Bone and stone products of the Upper Paleolithic of Central and Eastern Europe. *1-4* — anthropomorphic figurines from metacarpal bones of a mammoth, Pshedmost; *5* — anthropomorphic figurine, Tru-Magritte; *6* — anthropomorphic figurine, Avdeevo; *7* — anthropomorphic figurine, Chlum; *8* — a human mask based on a fossil shell, Kostenki 1; *9-11* — pendants made of pebbles, Kostenki 1 (*1-7* — after: [Abramova, 1966. Table XX], *8-11* — after: [Efimenko, 1958])

плоскосферической поверхности присутствует ряд беспорядочных царапин. На шаровидном лице обнажено губчатое вещество. Глубокими выемками обозначены крупные глазницы, разделенные прямой переносицей, боку выступом передано ухо, округлым углублением передан рот [Гвоздовер, 1953. С. 218]. Еще на четырех метакарпальных костях мамонта обнаружены царапины и нарезки, что свидетельствует об их использовании для поделок. Это дало основание М.Д.Гвоздовер предполагать, что «...антропоморфная статуэтка была в стоянке не единичной, и, возможно, мы имеем перед собой либо заготовки подобных же статуэток, либо эти

метаподии и без дальнейшей обработки осмыслялись так же, как и хорошо оформленные, и имели то же значение в представлениях первобытного человека» [Там же. С. 218-219].

Аналогичные семь фигурок из метакарпальных костей мамонта происходят из коллекции Машка со стоянки Пшедмость. У них также глубоким врезом намечена шея и округлая голова, расширяющаяся внизу кость обозначает как бы сидящего на корточках человека, гладкое основание кости служит подставкой (рис. 11, 1-4). Местами поверхность стерта и обнажена губчатая ткань. У четырех фигурок имеются сзади следы ожога, следы краски на поверхности не сохранились [Обермаер, 1914. С. 347; Абрамова, 1966. С. 24. Табл. ХХ,

То, что это законченные произведения, свидетельствует сходный прием оформления антропоморфных изображений посредством выделения головы с помощью искусственного желобка на различных изделиях стержневидной формы (Костенки I, Ла Мадлен, Фогельгерд, Костенки IV) [Абрамова, 1966. Табл. XXI].

Ярким примером интереса представителей этой общности к естественным формам демонстрируют материалы из коллекции стоянки Костенки 1 из раскопок П.П. Ефименко. Это набор маленьких хорошо обточенных галечек, отличающиеся причудливой формой. По форме и размеру они напоминают обыкновенный боб, поверхность многих покрыта сетью мелких бороздчатых жилок, причем некоторые имеют более крупные размеры и естественные сквозные отверстия (рис. 11, 9-11). П.П. Ефименко считал, что «та-

кие галечки, несомненно, намеренно приносились сюда из-за причудливой формы, возможно, ассоциируясь в представлении первобытных людей с зародышами людей или животных» [Ефименко, 1958. С. 339].

Интересно, что, по мнению П.П. Ефименко, такую же роль для древнего населения играли ископаемые раковины моллюсков, главным образом рода Spirifer [Там же]. Одна находка весьма показательна — она представляет собой ядро ископаемой раковины длиной 2,3 см. Своими формами она напоминает человеческое лицо и это сходство усилено дополнительно обработкой: двумя глубокими

вертикальными бороздами изображен нос, по бокам переносицы двумя искусственными выемками сделаны глаза, короткие борозды по краю воспроизводят волосы и бороду [Ефименко, 1958. С. 340. Рис. 137] (рис. 11, 8).

Сосуществование двух видов изобразительной практики – хорошо проработанных фигуративных изображений и изделий на основе естественных форм кости и камня с минимальной подработкой – на одном из важнейших базовых памятников костенковско-павловской общности весьма показательно. Вероятно, оно может свидетельствовать о сходстве стереотипов восприятия, приемов формообразования и использования в культово-изобразительной практике некоторых природных объектов (костей животных, фигурных галек, ископаемых ракушек) у людей по всей верхнепалеолитической ойкумене. Важно понять, почему в одних регионах

эта изобразительная практика сосуществовала с другими видами изобразительной деятельности, а на других абсолютно преобладала.

В дальневосточном регионе, на восточном склоне Сихотэ-Алиня в среднем течении реки Зеркальная, на двух финальнопалеолитических памятниках были зафиксированы ритуальные комплексы с камнями необычной формы.

На стоянке Суворово-IV в нижней части культурных отложений, вблизи кострища, возраст которого по данным радиоуглеродного анализа 15900±120 л.н. (АА-36626), был найден шестигранный стержень, стоящий почти вертикально между небольшими валунами. Вблизи него было зафиксировано необычное скопление орудий и продуктов расщепления. Длина стержня 24,5 см, ширина 4,5 см. Преднамеренный и символический характер установки этого стержня природной формы очевиден [Крупянко, Табарев, 2005. С. 94-95. Рис. 6, 7, 8].

Второй такой же комплекс был выявлен на стоянке Богополь-IV, расположенной в 15 км ниже по течению р.Зеркальная. В 2002 г. вблизи бровки террасы был обнаружен комплекс, состоящий из трех округлых камней и заваленных веером трех удлиненных камней. Один из этих трех камней крупный шестигранник длиной 39,8 см, шириной 7-7,3 см. Второй камень это речная галька подтрапециевидной формы размером 31,1×10 см. Третий камень является четырехгранной окатанной галькой размером 29,4×5,3 см. Шестигранник и удлиненные гальки не следов краски. Под этим скоплением на глубине 11 см был найден единственный на этом участке раскопа целый нож-бифас из зеленоватого кремнистого сланца [Крупянко, Табарев, 2005. С. 95-96. Рис. 9, 10]. Данные скопления авторы считают ритуальными комплексами, обладающими знаковой ролью на местности [Там же. С. 96].

В Приморье на неолитических памятниках также были обнаружены галечные скульптуры. Одна из таких ярких находок была сделана на памятнике Бойсмана II, расположенном в бухте Бойсмана в заливе Петра Великого (Японское море). Здесь была найдена круглая гранитная галька размером 9×8×5 см, которая пикетажем и гравировкой была превращена в полиэйконическую скульптуру. На выпуклой поверхности гальки была создана человеческая личина, на противоположной стороне – относительно прямая линия. На боковых сторонах пикетажем и гравировкой показана еще одна

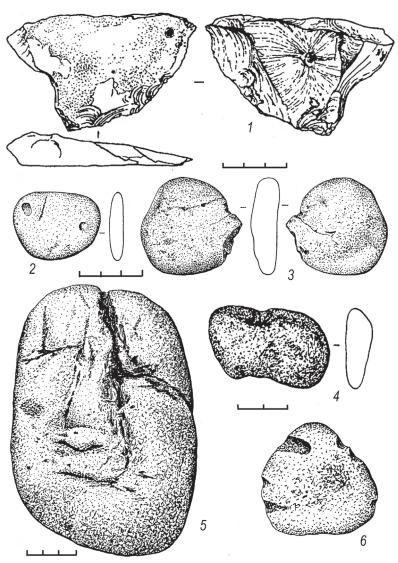

Рис. 12. Галечные скульптуры с памятников Дальнего Востока (по: [Кирьяк (Дикова), 2003]). I — фигура птички; 2 — личина человека; 3 — голова человека; 4 — фигура «мамонта» (I-4 — верхнепалеолитическая стоянка Большой Эльгахчан I); 5 — личина человека на валуне, постпалеолитическая стоянка Сибердик; 6 — голова человека на гальке со стоянки Лопатка III, неолит

Шестигранник и удлиненные гальки не обработаны и не имеют на поверхности (Dikova), 2003]). *I* – figure of a bird; *2* – a person's face; *3* – human head; *4* – the cледов краски. Под этим скоплением на глубине 11 см был найден единствен-

личина и нанесены различные знаки [Бродянский, 2007. С. 49. Рис. 3]. Кроме этой галечной скульптуры, на памятнике был найден фрагмент сланцевой плитки подтреугольной формы, на которой с обеих сторон была высверлена пара углублений — глаза [Там же. С. 49. Рис. 2]. Здесь были применены те же способы оформления природных форм, что и на территории Уральского региона: пикетаж, выбивка и сверление.

На верхнепалеолитической стоянке Большой Эльгахчан I (Северо-Эвенский р-н Магаданской обл.) был обнаружен целый ряд произведений изобразительной деятельности на основе фигурных галек. Среди них голова человека в профиль на фигурной гальке, у которой пикетажем выделен нос и ретушью рот, глаз обозначен естественным вкраплением (рис. 12, 3) [Кирьяк (Дикова), 2003. С. 66]. На другой плоской галечке овальной формы (размер $3,3\times4,2\times0,7$ см) имеется два углубления, одно из которых искусственное, что позволяет автору раскопок видеть в нем личину [Кирьяк (Дикова), 2003. С. 68. Рис. 9, а, 1] (рис. 12, 2). Здесь же был найден первичный отщеп окремнелого глинистого сланца серого цвета треугольной формы. Он был обработан несколькими крупными сколами на вентрале и образован выступающий клюв, подправленный со стороны спинки мелкой ретушью, одним крупным сколом создан выступающий хвост птицы и несколькими средними и мелкими снятиями смоделированы ноги. В районе головы на кальцитовой корке, покрывающей спинку отщепа, в нужном месте была сделана одним ударом лунка – глаз птицы [Там же. С. 77. Рис. 27, а; Фото 8] (рис. 12, *I*).

Еще одна галечная скульптура – личина на крупнозернистой гальке размером 16×11,5 см (рис. 11, 5) была найдена в процессе раскопок стоянки Сибердик на Верхней Колыме (Тенькинский р-н Магаданской области). Самый ранний этап сибердиковской культуры имеет датировку 9470+530 л.н. (Крил-314). На стоянке Сибердик представлены два последующих этапа этой культуры, которая, как считает ее исследователь, по своей сути – палеолитическая [Диков, 1979. С. 90]. Наиболее древним на этой стоянке является нижний (третий) слой, для которого характерно «сочетание индустрии ножевидных пластин с галечными орудиями – чопперами» [Там же. С. 92]. Датируется этот горизонт сибердиковской стоянки 8480±200 л.н. (Крил-249), 8020+80 л.н. (Крил-250) [Там же]. У скульптуры пикетажем выделены нос, ноздри и линия рта [Киръяк (Дикова), 2003. C. 65-66].

Во многом сходная скульптура была обнаружена Т.М. Диковой на южной оконечности полуострова Камчатка на мысу Лопатка (стоянка Лопатка III). Внутри раковиной кучи, имеющей возраст 4380±70 л.н. (Маг-312), было обнаружено антропоморфное изображение лица в профиль на крупнозернистой гальке (рис. 12, 6). С помощью пикетажа на одной стороне были образованы два поперечных желобка, соответствующие глазу и рту. Нос

обозначен естественным выступом боковой грани. Многочисленными точечными ударами на боковых сторонах сделаны углубления, соответствующие ушам [Там же. С. 66. Рис. 10].

На Ближнем Востоке в пещере эль-Вад (el-Wad cave, гора Кармель, территория современного Израиля) в отложениях раннего этапа натуфийской культуры (12800-10300 л.н.) вместе с находками из кости и камня и кусками охры были найдены 5 предметов изобразительной деятельности, выполненные на основе природных форм [Weinstein-Evron, Belfer-Cohen, 1993]. Все они представляли собой окремненные желваки, подвергнутые минимальной обработке. Их размер варьировал от 4,3 до 6 см. Два предмета обладали вытянутыми пропорциями, в то время как остальные имели закругленные очертания. Три закругленных фигурки имели по центру опоясывающее углубление, возможно, обозначающие талию (?). У одной фигурки (размер 4,4×3 см) один конец плоский, создан одним сколом, в то время как другой конец округлый, имеет на поверхности следы пикетажа, поверхность вне зоны повреждений более ровная и заглаженная. Предположительно гравированными линиями изображен овальный глаз и ниже рот [Там же. Р. 102. Fig. 2, 2] (рис. 13, 3). Другие две фигурки $(4,3\times3,8$ см и $5,5\times3,2$ см) имеют сдвоенную сферическую форму, поверхность которой тоже заглажена и местами заполирована, на обоих концах присутствуют негативы сколов и следы забитости. На выпуклой поверхности одной из фигурок были нанесены гравировкой многочисленные вертикальные параллельные борозды [Там же. Р. 102. Fig. 2, 1, 3] (рис. 13, 1, 5). Два предмета отличались от предыдущих не только удлиненной формой $(5,5\times2,3 \text{ см и } 6,1\times2 \text{ см})$, но и оформлением, на них двумя концентрическими гравированными бороздами были отделены пояс в нижней части и утолщенный закругленный конец вверху, что придало им фаллическую форму (рис. 13, 2, 4). Это убедительно подтверждается гравированной короткой бороздой на торцевой поверхности выпуклости второго изделия, которая изображала, по мнению исследователей, отверстие уретры [Там же. Р. 102] (рис. 13, 4). Основание первого изделия сегментировано одним сколом, края имеют многочисленные негативы укороченной ретуши с заломами, на другом конце выпуклую поверхность покрывают многочисленные мелкие выбоины, все это указывает на использование этого предмета в качестве отжимника и/или ретушера [Там же. Р. 103]. Поверхность этих изделий заполирована.

Для нас особый интерес представляет еще один предмет — скребок высокой формы — нуклеус из окремненного фигурного желвака (размер 5,3×3 см) с негативами пластинчатых снятий на одном конце (рис. 13, 6). Сама кремневая галька имела форму, напоминающую тело живого существа с круглой головой и массивным клювом или вытянутой мордой (черепахи, кролика или птицы?), в центре «головы» имеется углубление с естественной

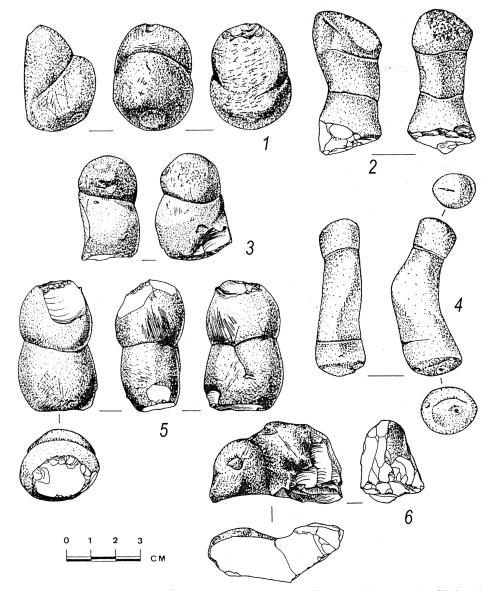

Рис. 13. Скульптуры на основе естественных форм в позднем палеолите Ближнего Востока (по: [Wtinstein-Evron, Belfer-Cohen, 1993]). Фигурки из конкреций кремня: 1, 3, 5 – антропоморфные (?) изображения; 2, 4 – фаллические изображения; 6 – зооморфное изображение

Fig. 13. Sculptures based on natural forms in the Late Paleolithic of the Near East (after: [Wtinstein-Evron, Belfer-Cohen, 1993]). Figures from flint nodules: *I*, *3*, *5* – anthropomorphic (?) images; *2*, *4* – phallic images; *6* – zoomorphic image

овальной выпуклостью – «глазом» [Там же. Р. 103, 104].

Кроме этих фигурок в этих же отложениях в пещере эль-Вад в слоях материалами раннего Натуфа была найдена голова человека из кальцита [Там же. Р. 102]. Аналогичные изделия были обнаружены в пещере Кебара: несколько конкреций кремня и три предмета из известняка, которым с помощью гравировки придана форма, предположительно, фаллосов, а также небольшая плитка из известняка с гравировками [Там же. Р. 104].

На другом базовом поселении натуфийской культуры — Нахал Орен (Nahal Oren) — из слоя раннего этапа этой культуры происходит длинная кость, на эпифизах которой были вырезаны на одном конце голова животного, а на другом — голова человека (?) [Там же].

Эти модифицированные фигурные гальки из кремня свидетельствуют о существовании в среде населения раннего Натуфа стойкого предпочтения

в изобразительной практике естественных форм из камня и кости. Обращает на себя внимание серия фигурок из кремневых конкреций, которые также использовались как отжимники-ретушеры или нуклеусы. Эта особенность встречается только в раннем периоде натуфийской культуры. Между тем, на ряде погребальных памятников эпохи мезолита-энеолита в Приуралье были встречены подвески гантелевидной формы из естественных окремненных конкреций и из кости, а также фигурная зооморфная галька из кремня (Меллятамакский V могильник, Русско-Шуганское погребение, Старо-Нагаевский могильник) [Казаков, 1978; 2011; Стоколос, 1984]. В свете выявленных многочисленных фактов южных влияний на неолитические культуры Южного Урала эти находки могут быть дополнительных аргументом данного взаимодействия.

Культ камней по данным археологии, фольклора и этнографии

Еще на заре науки этнографии в своей обобщающей работе «Первобытная культура» Э. Тейлор подробно рассматривал почитание природных камней как одно из проявлений фетишизма у традиционных народов по всему земному шару [Тэйлор, 1939. С. 371-375].

Определение того, в чем заключается культ камня, оставил В.Р. Кабо: «Под культом камней в его первоначальной форме следует понимать, прежде всего, приписывание камням сверхъестественных свойств, наделение их магической силой и использование в обрядах магии» [Кабо, 2007. С. 128]. Почитание камня и использование камней в магических обрядах было свойственно и сибирским народам. Известный путешественник XVIII столетия И.Г. Георги (1729-1802) оставил такое наблюдение об изобразительной практике традиционных народов Сибири: «Идолы... делаются по большей части шаманами из странных отростков дерева и из каменных отломков, которые кажутся подобными несколько человеческому виду. Нередко и целые каменные горы ради необыкновенного их вида, почитаются идолами, как например, Шаманская гора в восточной стороне от Байкала, и другие» [Георги, 1799. C. 106].

Об ритуальном использовании камня свидетельствуют и древние эпические произведения. В мифологическом эпосе финнов Калевале сохранилось описание древнего заклинания при строительстве лодки, сопровождающегося ритуальным раскалыванием камня:

«Был старый Вяйнямейни, Заклинаньем делал лодку... Камнем он постукивает, На утесе поколачивает».

Цитата приводится с поправками В.Я. Евсеева [Евсеев, 1957. С. 74]. Содержащаяся творческая сила в акте раскалывания камня, равнозначная заклинанию само по себе вызывает пристальный интерес. Сходное по смыслу представление о процессе раскалывания камня присутствует в древнем мифологическом предании у обских угров об изобретении Торумом добывания огня огнивом: «Ходил он (Торум - В.К.) по земле и думал. Увидел камень и приложил руку к этому камню, и пошел жар от камня. Возле него лежал маленький камень. Когда он взял маленький камень и ударил о большой, то большой рассыпался – и из него вышла женщина-огонь. От камня пошла дорога, неизвестно куда ведущая, но очень широкая. Еще из камня образовалась не целая лодка, то ли нос, то ли корма ее – неизвестно. Взял Торум опять камешки и стал друг о друга ударять, и показался огонь» [Мифы.... 1990. С. 63]. Интересно, что в контексте добывания огня в ходе действия раскалывания камня из камня порождается богиня огня, возникает рукотворный элемент ландшафта – дорога и появляется какая-то лодка – средство передвижения. Предположительно, в данном предании одно ритуальное действие

соединило три мифологемы древних уральцев, являещиеся осколками древних мифов.

Похожий миф о творении добрых и злых духов, а также огня известен у мокши: «Богу нужны были помощники, и он стал создавать их, ударяя камнем о камень. Шайтан и тут стал подражать богу и творить злых духов, но Шкай произнес заклятие и вместо духов у Шайтана стали получаться искры – так был сотворен огонь. Наконец, Шкаю удалось запереть злых духов в лесном шалаше, но случайный прохожий из любопытства выпустил их, и они рассеялись по всей земле» [Петрухин, 2003. С. 299]. Такой же миф есть и у марийцев: «Кугу Юмо сотворил также добрых духов из искр, высекаемых огнивом; Керемет подсмотрел способ творения и создал злых духов - кереметов. Они расселились по земле и требуют от людей постоянных жертв» [Петрухин, 2003. C. 262].

Сходный мифологический сюжет известен в греческой мифологии. В частности, Аполлодор сообщает миф о Девкалионовом катаклизме: Девкалион – сын Прометея, был царем в стране Фтия (в Фессалии), чтился как обожествленный первопредок. Зевс решил истребить людей медного века, наслав на них потоп. Девкалион вместе с женой Пиррой спасается в ящике, который он построил по совету Прометея. Ковчег плавал 9 дней и ночей, пока не пристал к Парнасу. Девкалион приносит обильную жертву Зевсу и тот посылает к нему Гермеса с предложением исполнить его желание. Девкалион просит у Зевса чтобы от него появились люди. По приказу Зевса он стал собирать камни и бросать их через свою голову. Камни, которые бросал Девкалион превращались в мужчин, а камни, которые бросала Пирра – в женщин. Отсюда пошло название людей – по гречески laoi – от слова laas - камень (Аполлодор. 1.7.2). Этот греческий миф о первопредке греческого народа, увязанный с мифом о потопе, показывает глубокую древность мифологического сюжета «рождение первых людей из камней».

Мифологема «рождение первого человека из камня» присутствует в сказочном варианте этногенетической легенды башкир «Алп-батыр» [БНТ. Т. 3, 1988. С. 43-45]. В ней повествуется о том, как по повелению хозяина горы в обмен за его душу, старик раскалывает топором камень и из него рождается богатырь Алп. Старик передает родившемуся сыну свое оружие, топор и лук со стрелами. И только Алп-батыр попытался натянуть лук, как тотчас он сломался: «От того треска дрогнула гора, посыпались камни, и старик упал замертво» [Там же. С. 44]. Так исполнилось предсказание хозяина горы: «Без чьей-то смерти никто на свет не родится. Если сыном обзаведешься, сам умрешь» [Там же. С. 43]. Далее титан Алп делает семь шагов и тем самым совершает землеустроительное действие - создает семь полян, на которых потом расселятся потомки его семи сыновей - родоначальников семи башкирских родов. Таким образом, в основе этого предания был положен архаический по своему содержанию этиологический и этногенетический миф. Уникальность его состоит в том, что титан рождается из *расколотой* горы-камня и этот акт рождения героя-предка ассоциирован с духом-хозяином горы. Из горы, согласно преданию, вышла и лучезарная дева по имени Таубикэ (букв. Горная дева) [БНТ. Т. 2, 1987б. № 155].

Также в башкирском фольклоре есть масса примеров превращении людей в камни. В мифологическом эпосе «Урал-батыр» в горы превращаются побежденные в битве дивы-аждахи, а также сам исполин Урал [БНТ. Т. 1, 1987а. № 1]. В одном башкирском предании рассказывается как хозяин горы, приняв облик огромного медведя, вступает в борцовский поединок с зазнавшимся батыром, в конечном итоге они оба уходят под землю, а их тела окаменевают [БНТ. Т. 2, 1987б. С. 40-41]. В башкирских волшебных сказках также встречается мотив превращения человека в камень [БНТ. Т. 4, 1989. С. 187, 295]. Более того, в башкирской традиции сохранилось архаическое представление о камнях, как о живых существах, которые имеют корни, могут расти, «созревать» и «рождать» потомство [Хисамитдинова, 2010. С. 290-291].

Здесь также присутствует еще одна мифологема, которая важна для нашего исследования - это «душа в камне». В богатырской сказке «Акъял-батыр» у главного героя вместилищем второй души является каменный брусок белого цвета, который находится у него под мышкой [БНТ. Т. 3, 1988. С. 97]. Судя по изображениям на серебряных булгарских блюдах X-XI вв. людей с каким-то предметом под мышкой, у народов Урало-Поволжья эта мифологема была широко известна еще тысячу лет назад [Котов, 2010. С. 67-68]. Точно такие же представления о связи души с камнем имеются у обских угров: они хоронили ребенка в дупле дерева, положив ему в рот маленький камешек, а у ваховских хантов умершему клали на сердце маленький камень, что по мансийскому фольклору являлось вместилищем души [Сагалаев, 1991. С. 92].

Опираясь на мифологему «душа в камне» можно предположить, что какие-то из найденных при археологических раскопках культовых мест или святилищ обычные или же орнаментированные камни могли быть таким вместилищем души, наподобие чуринг у представителей традиционных культур [Кабо, 2007. С. 128].

В эпоху раннего железа также фиксируется использование камней в культовых целях: у ранних сармат в 27 могилах среди погребального инвентаря обнаружены речные гальки и камешки без какой-либо обработки, которые могли выполнять какую-то очистительную функцию [Пшеничнюк, 1983. С. 107]. Точно также и в могилы башкир помещались камни белого цвета [Хисамитдинова, 2011. С. 329]. В погребениях селькупов дно должно было быть выложено камнем; в случае невыполнимости этого условия из-за большой редкости камней в Нарымском Приобье, мог быть положен хоть один камень или же черепок сосуда [Ожередов, 2003. С. 218].

Об отголосках высокого символического статуса камней в башкирской традиции свидетельствуют факты использования галек необычной формы или цвета в лечебной магии [Хисамитдинова, 2011. С. 329; Исхакова, 2012. С. 75]. Точно также у ненцев мелкие камни являлись основой-телом домашнего духа (хэхэ), использовавшегося в лечебной магии [Ожередов, 2003. С. 218].

Прямой цитатой архаического культа камня в рамках продуцирующей магии следует рассматривать существовавший у минусинских тюрок обычай приношения, сделанных из камня фигурок домашних животных, священной скале Иней-Тас («Бабушка-камень») на реке Тюгом (приток р. Аскыза). При этом местные жители верили, что «если фигурки стоят хорошо, то хорошо и скоту; упали – быть беде, скотский падеж угрожает татарам» [Окладников, 1959. С. 57].

Заключение

На семи верхнепалеолитических памятниках Уральского региона были обнаружены предметы изобразительной деятельности, выполненные на основе естественных форм камня: в Прикамье (стоянки Шированово II и Горная Талица), в Южном Приуралье (стоянки Сергеевка-1, пещера Неолитовая) и горной части Южного Урала (пещеры Шульган-Таш (Каповая) и Байсланташ, стоянка Шульганово-4). Широкий разброс по территории говорит о том, что эта специфическая форма изобразительной деятельности отражает определенную культурную специфику «уральского» верхнего палеолита, выявленную по характеру индустрии [Котов, 2018].

По содержанию мобильные предметы подразделяются на изображения человека (3 экз.), животных (8 экз.), птицы (1 экз.), также представлена одна орнаментированная галька. Из них полных фигур – 3 экз., а изображений голов – 9 экз. (3 – человеческие, 5 голов животных и 1 голова птицы). Причем использовались достаточно сложные и трудоемкие приемы обработки (пикетаж, ретуширование, шлифовка), требующие использования специализированных инструментов. Это, в первую очередь, характерно для изготовления галечных скульптур. Важно, что только для этих произведений изобразительной практики характерно использование определенного набора технических приемов для их оформления: для изображения глаза создавалась пикетажем выемка или же пикетажем выделялся выпуклый овал; выемка рта создавалась на боковой грани одним боковым сколом, которая затем расширялась и углублялась посредством пикетажа; другие детали создавались цепочкой регулярных мелких сколов с помощью острого каменного посредника и молоточка. Подобный набор приемов присутствует при изготовлении человеческих личин на известняковых гальках со стоянки Шульганово-4 вблизи пещеры Шульган-Таш (Каповой) [Румянцев, 2014]. Точно также с помощью цепочки сколов выделены характерные черты «мамонта» на галечной скульптуре из пещеры

Шульган-Таш (Каповой) [Котов, 2014а. С. 123-124. Рис. 4]. Еще одна фигурка «мамонта» со стоянки Шированово II в Прикамье от обычных «фигурных кремней» отличается тем, что это объемная скульптура [Сериков, 2014. Фото 7, *I*]. Следует отметить, что основную знаковую нагрузку у галечных скульптур нес контур изделия, поскольку в большинстве случаев они являлись плоскостными односторонними изображениями.

Вероятно, при оформлении пещерного святилища Шульган-Таш изобразительная практика на основе естественных форм была перенесена и на монументальную скульптуру – в ней известны два барельефных изображении лошади, расположенные в залах среднего и верхнего ярусов [Котов, 2009; Пещерное святилище..., 2019].

Можно было бы предположить случайный характер существования подобного феномена, например, фигурные гальки или кости могли использоваться в качестве игрушек или сувениров, если бы они не были подвергнуты в ряде случаев тщательной обработке. Кроме того, обнаружение четырех скульптур в пещерном святилище Шульган-Таш (Каповой) и стоянке Шульганово-4, одного - на предполагаемом святилище в пещере Байсланташ, гравированное изображение на фигурной гальке со стоянки Горная Талица, а также следы охры на галечной скульптуре со стоянки Сергеевка-1 свидетельствуют о включенности этих изделий в контекст ритуальной практики уральского палеолитического населения, а также о высоком символическом статусе данных предметов. Для каменного века вообще характерен культ камня. Очевидно, существование «галечной скульптуры» следует понимать в контексте почитания камня как некой «одушевленной» субстанции. В этом же ключе можно воспринимать и обработку фигурных галек, которые уже имели определенное сходство с теми или иными образами. Оформление могло ощущаться как «воплощение» некого образа, существующего в голове создателя, а значит, часть «души» человека передавалась предмету и он «оживал». По крайней мере, так понимали процесс изображения человека представители традиционного общества, в частности, бурзянские башкиры, почему и существовал у них запрет изображать лицо, иначе часть души передавалась этому изображению, и в результате можно было, в конце концов, «растратить» всю свою душу и умереть (сообщение этнографа З.Г. Аминева, ИИЯЛ УФИЦ РАН). У большинства народов Сибири существовал архаический по своей природе запрет изготавливать тела и лица у кукол [Павлинская, 1988. С. 244]. Это было связано с представлением о том, что воспроизведение лица (глаз, носа и рта) сразу превращало предмет в одушевленный, и он переходил в разряд культовых и запретных для детей [Рейнсон-Правдин, 1949. С. 120]. Культовые фигурки животных или человека становились помощниками только в том случае, если за ними их хозяева ухаживали: «одевали», «кормили» и всячески ублажали, в противном случае они могли отомстить и стать источником многих бед [Грачева, 1981. С. 154; Алексеенко, 1981. С. 170]. Следует обратить внимание на то, что нганасанами особенно ценились случайно найденные предметы, которые воспринимались как «упавшие с неба» дары, обладающие духами-помощниками, наделенные особой «силой», и обращение с этими предметами было обставлено особыми ритуалами и запретами [Грачева, 1981. С. 162].

Все эти реликтовые представления о культовых изображениях, сохранившиеся в этнографии народов Сибири в полной мере применимы к галечным скульптурам: изображения глаз и рта означало «оживление» этих предметов. Между тем, рот у галечных скульптур, предположительно, был нужен для того, чтобы их «кормить». Следы охры на одном из изображений со стоянки Сергеевка-1, возможно, является следами подобного ритуального воздействия на культовый предмет. Также факт неоднократного переоформления фигурной гальки может быть проявлением стремления человека «наделить» предмет новой душой или новой «силой», а также «привязать» очередного хозяина к данному культовому предмету.

Исходя из всего сказанного, мы можем предполагать, что для верхнего палеолита использование и почитание фигурных камней и костей являлось важным и специфичным способом символизации в рамках изобразительной деятельности носителей уральской верхнепалеолитической традиции. Для предметов изобразительной и культовой практики на основе естественных форм камня и кости, датируемых голоценовым временем характерны те же приемы обработки. Сходство проявляется и в том, что среди изделий присутствуют как изображения фигур, так и изображения голов животных и человека [Сериков, 2007б]. Таким образом, мы можем говорить о единой традиции от начала верхнего палеолита и до эпохи средневековья [Сериков, 2004; Сериков, 2005а; Котов, 2012]. Причем для верхнего палеолита использование и почитание естественных форм камня и кости является важным и специфичным способом символизации в рамках изобразительной деятельности, прежде всего, на территории Урало-Поволжья [Котов, 2012].

Присутствие сходной изобразительной деятельности на территории Приазовья, Поволжья, Среднего и Южного Урала, Забайкалья, Красноярского края, Чукотки, Камчатки и Приморья [Сериков, 2007б; Кирьяк (Дикова), 2003], позволяют воспринимать её как проявление изобразительно-культовой практики «уральского» и шире - «восточного» или «сибирского» мира верхнего палеолита и последующих эпох [Котов, 2014б]. Продолжение этой традиции в Уральском регионе и на территории Дальнего Востока вплоть до средневековья свидетельствует, с одной стороны, об устойчивости во времени не только определенных тенденций изобразительной практики, а в целом, всего содержания традиционной культуры, которая стойко поддерживала эту практику, как сущностное проявление религиозно-культового отношения человека к миру. Таким образом, использование и изготовление образов на основе природных форм камня, кости, дерева и прочих материалов является специфическим способом изобразительной деятельности уральского и сибирского населения в противоположность разнообразной художественной деятельности палеолитического населения Восточной, Центральной и Западной Европы, центральное место в котором занимало фигуративное искусство (реалистичная объемная скульптура, наскальные изображения). Широкое распространение скульптур на основе естественных форм камня и кости на Урале и в Сибири во все эпохи от верхнего палеолита до средневековья позволяет говорить об этом феномене как транскультурном и трансэпохальном явлении. Глубинной причиной широкого географического распространения этого вида изобразительной деятельности в границах Северной Евразии являются, с одной стороны, уходящая корнями в глубины палеолита культовое отношение древних людей к раскалыванию камня, каменным орудиям и к камню в целом [Кабо, 2007. С. 128]. С другой стороны, устойчивость данной изобразительной практики могла быть связана с табуированностью изобразительной деятельности уральских и сибирских народов, предполагающая запрет использовать в быту изображения животных и человека и жестко регламентирующая характер изображений [Рейнсон-Правдин, 1949; Грачева, 1981; Алексеенко, 1981]. Это могло быть связано с существовавшим в эпоху каменного века культом камня, а также костей/рогов крупных промысловых животных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова З.А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л. Наука, 1966. 223 с.

Алексеенко Е.А. Шаманская нарта (коссул) у кетов // Материальная культура и мифология. Сборник МАЭ. Т. 37 / Отв. ред. Б.Н. Путилов. Л.: Наука, 1981. С. 169-178.

Аполлодор. Мифологическая библиотека. Перевод, предисл. и коммент. А. Шапошникова. М.: Эксмо, 2006. 416 с.

Бадер О.Н. Жертвенное место под Писанным камнем на р. Вишере // Советская археология. T. XX. 1954. C. 241-258.

БНТ. Т. 1: Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос / Сост. М.М. Сагитов. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1987а. 544 с.

БНТ. Т.2: Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды / Сост. Ф.А. Надршина. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1987б. 576 с.

БНТ. Т.3: Башкирское народное творчество. Т. 3. Богатырские сказки / Сост. Н.Т. Зарипов. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1988. 448 с.

БНТ. Т.4: Башкирское народное творчество. Т. 4. Волшебные сказки. Сказки о животных / Сост. Ф.А. Надршина. Уфа: Башкирское кн. издво, 1989. 510 с.

Богданов С.В., Котов В.Г. Верхнепалеолитическая стоянка Лабазы I (Оренбургская обл.) // УАВ. Вып. 8. 2008. С. 27-38.

Бродянский Д.Л. Мир мифов в искусстве дальневосточного неолита // Искусство и религия древних обществ / Сост. В.С. Ветров. Луганск: Світлиця, 2007. С. 48-51.

Ветров В.С. Предметы искусства как фактор идентификации позднепалеолитических жилищ степной зоны Приазовья (опыт анализа) // Искусство и ритуал ледниковой эпохи / Сост. В.С. Ветров. Луганск: Вега, 2005. С. 48-63.

Ветров В.С. Искусство позднего палеолита степей Северного Причерноморья и Приазовья // Искусство и религия древних обществ / Сост. В.С. Ветров. Луганск: Світлиця, 2007. С. 12-18.

Волков Р.Б. Многоликий камень // Культовые

памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 210-223.

Гвоздовер М.Д. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // Палеолит и неолит СССР. Т. 2 (МИА СССР. № 39). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 192-224.

Георги Г.И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Часть третья о народах семоядских, манджурских и восточных сибирских как и о Шаманском законе. СПб.: Императорская академия наук, 1799. 162 с.

Гимранов Д.О., Котов В.Г., Курманов Р.Г., Румянцев М.М. Стоянка верхнего палеолита Сергеевка 1 на р. Нугуш (Южный Урал) // Вестник Пермского университета. Вып. 1 (18). 2012. С. 24-37.

Горелик А.Ф. Находки предметов изобразительной деятельности палеолитического человека у хутора Рогалик (Украина) // РА. 1997. № 2. С. 169-180.

Грачева Г.Н. Культовый комплект нганасан// Материальная культура и мифология. Сборник МАЭ. Т. 37 / Отв. ред. Б.Н. Путилов. Л.: Наука, 1981. С. 153-168.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае// Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 232-255.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1979. 352 с.

Древности Башкирского Урала / Сост. и науч. ред. Н.С. Савельев. Уфа: Информреклама, 2018. 216 с.

Евсеев В.Я. Исторические основы карелофинского эпоса. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 336 с.

Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас

первобытного человека. Прага: Артия, 1985. 560 с.

Ефименко П.П. Костенки І. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 451 с.

Исхакова Г.Г. Стилистические особенности имен существительных и прилагательных в башкирских заговорах // Актуальные проблемы истории, языка и культуры Башкортостана. Сб. науч. трудов молодых ученых ИИЯЛ УНЦ РАН. Вып. 4/Отв. ред. Г.Р. Хусаинова, Р.Н. Сулейманова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 70-76.

Кабо В.Р. Круг и крест: размышления этнолога о первобытной духовности. М.: Восточная литература, 2007. 328 с.

Казаков Е.П. Неолитические погребения в восточных районах Татарии // СА. 1978. № 2. С. 165-177.

Казаков Е.П. Памятники эпохи камня в Закамье. Казань: Фолианть, 2011. 180 с.

Кирьяк (Дикова) М.А. Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник (каменный век). 2-е изд., испр. и доп. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. 278 с.

Константинов М.В. Забайкалье: земля, проникнутая небом // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. І. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 53-55.

Косинцев П.А., Котов В.Г., Пантелеев А.В., Яковлев А.Г. Использование известнякового сырья в верхнем палеолите Урала (по материалам стоянки в пещере Балатукай) // Вестник Пермского университета. Вып. 1 (40). 2018. С. 5-19.

Котов В.Г. Исследование палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинская) // УАВ. Вып. 5. 2004. С. 36-55.

Котов В.Г. Палеолит // История башкирского народа. Т. 1. М.: Наука, 2009. С. 23-53.

Котов В.Г. «Булгарская торевтика» как источник по реконструкции мировоззрения волго-уральского населения в эпоху раннего средневековья // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии / Отв. ред. А.А. Тишкин (Труды САИПИ. Вып. VI). Барнаул: Азбука, 2010. С. 61-71.

Котов В.Г. Некоторые итоги изучения пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. І. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 159-161.

Котов В.Г. Скульптуры на основе естественных форм в палеолите Урала // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. Часть 1. СПб: ИИМК РАН, Периферия, 2012. С. 179-185.

Котов В.Г. Исследования многослойной палеолитической стоянки в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Проблемы археологии эпохи камня: к 70-летию Валентины Ивановны Беляевой (Труды исторического факультета С.-Петерб. гос. ун-та. Т. 18) / Отв. ред. Д.Г. Савинов, А.И. Мурашкин.

СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2014а. С. 120-141.

Котов В.Г. Проблемы верхнего палеолита Урала и концепция Г.П. Григорьева // Каменный век от Атлантики до Пацифики (Замятнинский сборник. Вып. 3) / Отв. ред. Г.А. Хлопачев, С.А. Васильев. СПб.: МАЭ РАН; ИИМК РАН, 2014б. С. 366-385.

Котов В.Г. Изобразительная практика на основе естественных форм в палеолите Урала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1 (40). С. 16-27.

Котов В.Г. Научный отчет о разведочном обследовании в Мелеузовском, Кугарчинском, Бурзянском и Салаватском районах Республики Башкортостан в 2017 г. по Открытому листу № 1379 от 31.07.2017 г. Уфа, 2019 // Архив ИА РАН.

Крупянко А.А., Табарев А.В. Ритуальные комплексы с бифасами и шестигранниками в финальном палеолите Приморья // Искусство и ритуал ледниковой эпохи / Сост. В.С. Ветров. Луганск: Вега, 2005. С. 91-99.

Ларичев В.Е. Мамонт в искусстве поселения Малая Сыя и опыт реконструкции представлений верхнепалеолитического человека Сибири о возникновении вселенной // Звери в камне (Первобытное искусство) / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1979. С. 159-198.

Любин В.П. Изображения мамонтов в палеолитическом искусстве (по материалам Каповой пещеры) // СА. 1991. № 1. С. 20-42.

Макаров Э.Ю., Павлов П.Ю. Стоянка Шированово II— новый памятник позднего палеолита в бассейне Верхней Камы // Каменный век Европейского севера / Отв. ред. А.В. Волокитин. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 7-21.

Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976. 368 с.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 328 с.

Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю. Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1987. С. 5-18.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков / Сост. Н.В. Лукина (Сказки и мифы народов Востока). М.: Наука, 1990. 568 с.

Мосин В.С. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья. Том 1. Каменный век. Эпоха бронзы / Серия «Этногенез уральских народов». Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 21-240.

Обермайер Γ . Доисторический человек. Человек в его прошлом и настоящем. Т. 1. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1914. 687 с.

Ожередов Ю.Н. Камень в погребальном обряде селькупов // Интеграция археологических и этнографических исследований / Отв. ред.

М.А. Корусенко, С.С. Тихонов, Н.А. Томилов. Омск: Наука-Омск, 2003. С. 218-224.

Окладников А.П. Шишкинские писаницы. Памятник древней культуры Прибайкалья. Иркутск: Иркутское кн. изд-во, 1959. 211 с.

Павлинская Л.Р. Игрушка и мир ребенка в традиционных культурах Сибири // Традиционное воспитание детей у народов Сибири / Отв. ред. И.С. Кон, Ч.М. Таксами. Л.: Наука, 1988. С. 222-252.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. 207 с.

Петрин В.Т., Смирнов Н.Г. Палеолитические памятники в гротах Среднего Урала // Археологические исследования на Урале и Западной Сибири (Вопросы археологии Урала. Вып. 14) / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1977. С. 56-71.

Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель, 2003. 464 с.

Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая): Колл. монография / Сост. и отв. ред. В.Г. Котов. Уфа: Китап, 2019. 360 с. (электронное издание: https://www.academy.edu/40924987/ обращение 20.05.2020 г.).

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.

Рейнсон-Правдин А.Н. Игра и игрушка у народов Обского Севера // Этнографическое обозрение. 1949. № 3. С. 109-132.

Румянцев М.М. Первые исследования палеолитической стоянки открытого типа Шульганово-4 в горно-лесной зоне Южного Урала // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1. Казань: Отечество, 2014. С. 124-127.

Сагалаев А.М. Урало-Алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск: Наука, 1991. 155 с

Сериков Ю.Б. Использование естественных форм из кости и камня в первобытном искусстве // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематич. науч. конф. СПб., 2004. С. 58-61.

Сериков Ю.Б. Использование природных форм в культовой практике древнего населения Урала // Сериков Ю.Б. Проблемы археологии и древней истории Урала: Сб. научных работ. Нижний Тагил: НТГСПА, 2005а. С. 26-44.

Сериков Ю.Б. Гальки и их использование древним населением Урала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005б. № 6. С. 42-57.

Сериков Ю.Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. Нижний Тагил: НТГСПА, 2007а. 138 с.

Сериков Ю.Б. Галечные скульптуры — изобразительные символы обрядовой деятельности древнего человека // Миф и символ в прошлом и настоящем / Отв. ред. О.В. Рыжкова. Нижний Тагил: НТГСПА, 20076. С. 28-39, 155-163.

Сериков Ю.Б. Становление ритуальнокультовой практики у палеолитического населения Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической перспективе. Вып. 1 / Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Азбука, 2007в. С. 7-24.

Сериков Ю.Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил: НТГСПА, 2014. 268 с.

Старо-Нагаевский могильник // Эпоха меди юга Восточной Европы / Отв. ред. А.А. Старостин. Куйбышев: Куйбышевский пединститут, 1984. С. 22-43.

*Столяр А.Д.*Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985. 299 с.

Тэйлор Э. Первобытная культура / Отв. ред. В.К. Никольский. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 568 с.

 $Xисамитдинова \Phi.\Gamma.$ Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с.

Xисамитоинова Φ . Γ . Словарь башкирской мифологии. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 164 с.

Широков В.Н., Косинцев П.А., Волков Р.Б. Палеолитическая стоянка Троицкая I на реке Уй // Новое в археологии Южного Урала / Отв. ред. С.А. Григорьев. Челябинск: Рифей, 1996. С. 3-17.

Щелинский В.Е. Ильская стоянка на Кубани. Уникальный памятник среднего палеолита на территории России // Археологические открытия, 1991-2004 гг. Европейская Россия / Гл. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2009. С. 23-34.

Goren-Inbar N., Peltz S. Additional remarks on the Berekhat Ram figure // Rock Art Research. 1995. $\mathbb{N}_{2}$ 12. P. 131-132.

Weinstein-Evron M., Belfer-Cohen A. Natufian figurines from the new excavations of the el-Wad cave, mt Carmel, Israel // Rock art Research. 1993. Vol. 10. $\mathbb{N}_2$ 2. P. 102-106.

REFERENCES

Abramova Z.A. Izobrazheniya cheloveka v paleoliticheskom iskusstve Evrazii [Images of man in the Paleolithic art of Eurasia]. M.; L.: Nauka, 1966. 223 s.

Alekseenko E.A. Shamanskaya narta (kossul) u ketov [Shamanic sled (kossul) among the Kets] // Material'naya kul'tura i mifologiya. Sbornik MAE. T. 37 / Otv. red. B.N. Putilov. L.: Nauka, 1981. S. 169-178.

Apollodor: Mifologicheskaya biblioteka [Apollodorus. Mythological library]. Perevod, predisl. i komment. A. Shaposhnikova. M.: Eksmo, 2006. 416 s.

Bader O.N. Zhertvennoe mesto pod Pisannym kamnem na r. Vishere [A sacrificial place under the Pisannyi kamen on the Vishera river] // Sovetskaya arheologiya. T. XX. 1954. S. 241-258.

BNT. T. 1: Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo [A collection of Bashkir folklore. Volume 1. Epic]. T. 1. Epos / Sost. M.M. Sagitov. Ufa: Bashkirskoe kn. izdvo, 1987a. 544 s.

BNT. T.2: Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo [A collection of Bashkir folklore. Volume 2. Tales and legends]. T. 2. Predaniya i legendy / Sost. F.A. Nadrshina. Ufa: Bashkirskoe kn. izd-vo, 1987b. 576 s.

BNT. T.3: Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. [A collection of Bashkir folklore. Volume 3. Heroic fairy tales]. T. 3. Bogatyrskie skazki / Sost. N.T. Zaripov. Ufa: Bashkirskoe kn. izd-vo, 1988. 448 s.

BNT. T.4: Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo [A collection of Bashkir folklore. Volume 4. Animal fairy tales]. T. 4. Volshebnye skazki. Skazki o zhivotnyh / Sost. F.A. Nadrshina. Ufa: Bashkirskoe kn. izd-vo, 1989. 510 s.

Bogdanov S.V., Kotov V.G. Verhnepaleoliticheskaya stoyanka Labazy I (Orenburgskaya obl.) [Upper Paleolithic site Labazy I (The Orenburg Region)] // UAV. Vyp. 8. 2008. S. 27-38.

Brodyanskij D.L. Mir mifov v iskusstve dal'nevostochnogo neolita [The world of myths in the art of the Far Eastern Neolithic] // Iskusstvo i religiya drevnih obshchestv / Sost. V.S. Vetrov. Lugansk: Svitlicya, 2007. S. 48-51.

Vetrov V.S. Predmety iskusstva kak faktor identifikacii pozdnepaleoliticheskih zhilishch stepnoj zony Priazov'ya (opyt analiza) [Art objects as a factor of identification of the Late Paleolithic dwellings of the steppe zone of the Azov region (analysis experience)] // Iskusstvo i ritual lednikovoj epohi / Sost. V.S. Vetrov. Lugansk: Vega, 2005. S. 48-63.

Vetrov V.S. Iskusstvo pozdnego paleolita stepej Severnogo Prichernomor'ya i Priazov'ya [The Art of the Late Paleolithic Steppes of the Northern Black Sea and the Region of the Azov Sea] // Iskusstvo i religiya drevnih obshchestv / Sost. V.S. Vetrov. Lugansk: Svitlicya, 2007. S. 12-18.

Volkov R.B. Mnogolikij kamen' [Many-faceted stone] // Kul'tovye pamyatniki gorno-lesnogo Urala. Ekaterinburg: UrO RAN, 2004. S. 210-223.

Georgi G.I. Opisanie vsekh obitayushchih v Rossijskom gosudarstve narodov. Ih zhitejskih obryadov, obyknovenij, odezhd, zhilishch, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugih dostopamyatnostej. Chast' tret'ya o narodah semoyadskih, mandzhurskih i vostochnyh sibirskih kak i o Shamanskom zakone [Description of all peoples living in the Russian state. Their everyday rites, customs, clothes, dwellings, exercises, fun, faiths and other things of interest. Part Three: on the peoples of the Samyeda, Manjurian and the Eastern Siberian ones as well as on the Shaman Law]. SPb.: Imperatorskaya akademiya nauk, 1799. 162 s.

Gvozdover M.D. Obrabotka kosti i kostyanye izdeliya Avdeevskoj stoyanki [Treatment of bone and bone artifacts of the Avdiivka site] // Paleolit i neolit SSSR. T. 2 (MIA SSSR. № 39). M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1953. S. 192-224.

Gimranov D.O., Kotov V.G., Kurmanov R.G., Rumyancev M.M. Stoyanka verhnego paleolita Sergeevka 1 na r. Nugush (Yuzhnyj Ural) [The Upper Pa-

leolithic site Sergeevka 1 on the Nugush river (South Urals)] // Vestnik Permskogo universiteta. Vyp. 1 (18). 2012. S. 24-37.

Gorelik A.F. Nahodki predmetov izobrazitel'noj deyatel'nosti paleoliticheskogo cheloveka u hutora Rogalik (Ukraina) [Findings of objects of pictorial activity of the Paleolithic man at the Rogalik farm stead (Ukraine)] // RA. 1997. № 2. S. 169-180.

Gracheva G.N. Kul'tovyj komplekt nganasan [Cult Nganasan Set] // Material'naya kul'tura i mifologiya. Sbornik MAE. T. 37 / Otv. red. B.N. Putilov. L.: Nauka, 1981. S. 153-168.

Derevyanko A.P., Rybin E.P. Drevnejshee proyavlenie simvolicheskoj deyatel'nosti paleoliticheskogo cheloveka na Gornom Altae [The oldest manifestation of the symbolic activity of the Paleolithic man in the Altai Mountains] // Perekhod ot srednego k pozdnemu paleolitu v Evrazii: gipotezy i fakty. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2005. S. 232-255.

Dikov N.N. Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoj Azii: Aziya na styke s Amerikoj v drevnosti [Ancient cultures of Northeast Asia: Asia at the junction with America in antiquity]. M.: Nauka, 1979. 352 s.

Drevnosti Bashkirskogo Urala [Antiquities of the Bashkir Urals: a collective monograph] / Sost. i nauch. red. N.S. Savelev. Ufa: Informreklama, 2018. 216 s.

Evseev V.Ya. Istoricheskie osnovy karelo-finskogo eposa [The historical foundations of the Karelian-Finnish epic]. Kn. 1. M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1957. 336 s.

Elinek Ya. Bol'shoj illyustrirovannyj atlas pervobytnogo cheloveka [Large illustrated atlas of the primitive man]. Praga: Artiya, 1985. 560 s.

Efimenko P.P. Kostenki I [Kostenki I]. M.; L.: Izdvo Akademii nauk SSSR, 1958. 451 s.

Iskhakova G.G. Stilisticheskie osobennosti imen sushchestvitel'nyh i prilagatel'nyh v bashkirskih zagovorah [Stylistic features of nouns and adjectives in Bashkir magic spells] // Aktual'nye problemy istorii, yazyka i kul'tury Bashkortostana. Sb. nauch. trudov molodyh uchenyh IIYaL UNC RAN. Vyp. 4 / Otv. red. G.R. Husainova, R.N. Sulejmanova. Ufa: IIYaL UNC RAN, 2012. S. 70-76.

Kabo V.R. Krug i krest: razmyshleniya etnologa o pervobytnoj duhovnosti [The circle and the cross: ethnologist's thoughts on primitive spirituality]. M.: Vostochnaya literatura, 2007. 328 s.

Kazakov E.P. Neoliticheskie pogrebeniya v vostochnyh rajonah Tatarii Neolithic burials in the eastern regions of Tatarstan] // SA. 1978. № 2. S. 165-177.

Kazakov E.P. Pamyatniki epohi kamnya v Zakam'e [Sites of the Stone Age in the trans Kama region]. Kazan': Foliant", 2011. 180 s.

Kir'yak (Dikova) M.A. Drevnee iskusstvo Severa Dal'nego Vostoka kak istoricheskij istochnik (kamennyj vek) Ancient art of the North of the Far East as a historical source (the Stone Age)]. 2-e izd., ispr. i dop. Magadan: SVKNII DVO RAN, 2003. 278 s.

Konstantinov M.V. Zabajkal'e: zemlya, proniknutaya nebom Trans Baikal region: Earth Penetrated by Sky] // Trudy III (XIX) Vserossijskogo arheologicheskogo s"ezda. T. I. SPb.; M.; Velikij Novgorod: IIMK RAN, 2011. S. 53-55.

Kosincev P.A., Kotov V.G., Panteleev A.V., Yakovlev A.G. Ispol'zovanie izvestnyakovogo syr'ya v verhnem paleolite Urala (po materialam stoyanki v peshchere Balatukaj) [The use of limestone raw materials in the Upper Paleolithic of the Urals (based on materials from the site in the Balatukay cave)] // Vestnik Permskogo universiteta. Vyp. 1 (40). 2018. S. 5-19.

Kotov V.G. Issledovanie paleoliticheskogo sloya v peshchere Bajslantash (Akbutinskaya) [The study of the Paleolithic layer in the cave Bayslantash (Akbutinskaya)] // UAV. Vyp. 5. 2004. S. 36-55.

Kotov V.G. Paleolit [The Paleolithic] // Istoriya bashkirskogo naroda. T. 1. M.: Nauka, 2009. S. 23-53.

Kotov V.G. «Bulgarskaya torevtika» kak istochnik po rekonstrukcii mirovozzreniya volgo-ural'skogo naseleniya v epohu rannego srednevekov'ya ["Bulgarian toreutics" as a source for reconstructing the worldview of the Volga-Ural population in the early Middle Ages] // Torevtika v drevnih i srednevekovyh kul'turah Evrazii / Otv. red. A.A. Tishkin (Trudy SAIPI. Vyp. VI). Barnaul: Azbuka, 2010. S. 61-71.

Kotov V.G. Nekotorye itogi izucheniya peshchery Shul'gan-Tash (Kapovoj) [Some results of the study of the Shulgan-Tash (Kapova) cave] // Trudy III (XIX) Vserossijskogo arheologicheskogo s"ezda. T. I. SPb.; M.; Velikij Novgorod: IIMK RAN, 2011. S. 159-161.

Kotov V.G. Skul'ptury na osnove estestvennyh form v paleolite Urala [Sculptures based on natural forms in the Ural Paleolithic] // Kul'tury stepnoj Evrazii i ih vzaimodejstvie s drevnimi civilizaciyami. Materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 110-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossijskogo arheologa M.P. Gryaznova. Chast' 1. SPb: IIMK RAN, Periferiya, 2012. S. 179-185.

Kotov V.G. Issledovaniya mnogoslojnoj paleoliticheskoj stoyanki v peshchere SHul'gan-Tash (Kapovoj) [Investigations of the multilayer paleolithic site in the Shulgan-Tash cave (Kapova)] // Problemy arheologii epohi kamnya: k 70-letiyu Valentiny Ivanovny Belyaevoj (Trudy istoricheskogo fakul'teta S.-Peterb. gos. un-ta. T. 18) / Otv. red. D.G. Savinov, A.I. Murashkin. SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, 2014a. S. 120-141.

Kotov V.G. Problemy verhnego paleolita Urala i koncepciya G.P. Grigor'eva [Paleolithic Problems of the Urals and the Concept of G.P. Grigoriev] // Kamennyj vek ot Atlantiki do Pacifiki (Zamyatninskij sbornik. Vyp. 3) / Otv. red. G.A. Hlopachev, S.A. Vasil'ev. SPb.: MAE RAN; IIMK RAN, 2014b. S. 366-385.

Kotov V.G. Izobrazitel'naya praktika na osnove estestvennyh form v paleolite Urala Izobrazitel'naya praktika na osnove estestvenny`h form v paleolite Urala // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. 2018. № 1 (40). S. 16-27.

Kotov V.G. Nauchnyj otchet o razvedochnom obsledovanii v Meleuzovskom, Kugarchinskom, Burzyanskom i Salavatskom rajonah Respubliki Bashkortostan v 2017 g. po Otkrytomu listu № 1379 ot 31.07.2017 g. Ufa, 2019 [Scientific report on an ex-

ploratory survey in the Meleuzovsky, Kugarchinsky, Burzyansky and Salavtsky districts of the Republic of Bashkortostan in 2017. Ufa] // Arhiv IA RAN.

Krupyanko A.A., Tabarev A.V. Ritual'nye kompleksy s bifasami i shestigrannikami v final'nom paleolite Primor'ya [Ritual complexes with bifaces and hexagons in the final Paleolithic of the Primorye] // Iskusstvo i ritual lednikovoj epohi / Sost. V.S. Vetrov. Lugansk: Vega, 2005. S. 91-99.

Larichev V.E. Mamont v iskusstve poseleniya Malaya Syya i opyt rekonstrukcii predstavlenij verhnepaleoliticheskogo cheloveka Sibiri o vozniknovenii vselennoj [The mammoth in the art of the settlement of Malaya Syya and the experience of reconstructing the concepts of the Upper Paleolithic man of Siberia about the emergence of the universe] // Zveri v kamne (Pervobytnoe iskusstvo) / Otv. red. R.S. Vasil'evskij. Novosibirsk; Nauka, 1979. S. 159-198.

Lyubin V.P. Izobrazheniya mamontov v paleoliticheskom iskusstve (po materialam Kapovoj peshchery) [Images of mammoths in the Paleolithic art (based on materials from the Kapova cave)] // SA. 1991. № 1. S. 20-42.

Makarov E. Yu., Pavlov P. Yu. Stoyanka Shirovanovo II — novyj pamyatnik pozdnego paleolita v bassejne Verhnej Kamy [The Shirovanovo II site is a new Late Paleolithic monument in the Upper Kama basin] // Kamennyj vek Evropejskogo severa / Otv. red. A.V. Volokitin. Syktyvkar: IYaLI Komi NC UrO RAN, 2007. S. 7-21.

Matyushin G.N. Mezolit Yuzhnogo Urala [The Mesolithic of the Southern Urals]. M.: Nauka, 1976. 368 s

Matyushin G.N. Eneolit Yuzhnogo Urala [The Eneolithic of the Southern Urals]. M.: Nauka, 1982. 328 s.

Mel'nichuk A.F., Pavlov P.Yu. Stoyanka Gornaya Talica na r. Chusovoj i problema rannego mezolita v Prikam'e [The Talitsa Mountain site on the Chusovaya river and the problem of the early Mesolithic in the Kama region] // Problemy izucheniya drevnej istorii Udmurtii / Otv. red. L.A. Nagovicyn. Izhevsk: Nauchno-issledovatel'skij institut pri Sovete Ministrov Udmurtskoj ASSR, 1987. S. 5-18.

Mify, predaniya, skazki hantov i mansi. Per. s hantyjskogo, mansijskogo, nemeckogo yazykov [Myths, traditions, tales of the Khanty and Mansi] / Sost. N.V. Lukina (Skazki i mify narodov Vostoka). M.: Nauka, 1990. 568 s.

Mosin V.S. Kamennyj vek [The Stone Age] // Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zaural'ya. Tom 1. Kamennyj vek. Epoha bronzy / Seriya «Etnogenez ural'skih narodov». Chelyabinsk: Izd-vo YuUrGU, 2000. S. 21-240.

Obermajer G. Doistoricheskij chelovek. Chelovek v ego proshlom i nastoyashchem [The Prehistoric Man. Man in his past and present]. T. 1. SPb.: Brokgauz-Efron, 1914. 687 s.

Ozheredov Yu.N. Kamen' v pogrebal'nom obryade sel'kupov [The stone in the Selkup funeral rite] // Integraciya arheologicheskih i etnograficheskih issle-

dovanij / Otv. red. M.A. Korusenko, S.S. Tihonov, N.A. Tomilov. Omsk: Nauka-Omsk, 2003. S. 218-224.

Okladnikov A.P. Shishkinskie pisanicy. Pamyatnik drevnej kul'tury Pribajkal'ya [The Shishkin pisanitsas. Monument of the ancient culture of Baikal]. Irkutsk: Irkutskoe kn. izd-vo, 1959. 211 s.

Pavlinskaya L.R. Igrushka i mir rebenka v tradicionnyh kul'turah Sibiri [The toy and the world of the child in traditional cultures of Siberia] // Tradicionnoe vospitanie detej u narodov Sibiri / Otv. red. I.S. Kon, Ch.M. Taksami. L.: Nauka, 1988. S. 222-252.

Petrin V.T. Paleoliticheskoe svyatilishche v Ignatievskoj peshchere na Yuzhnom Urale [Paleolithic sanctuary in the Ignatiev cave in the South Urals]. Novosibirsk: Nauka, 1992. 207 s.

Petrin V.T., Smirnov N.G. Paleoliticheskie pamyatniki v grotah Srednego Urala [Paleolithic monuments in the grottoes of the Middle Urals] // Arheologicheskie issledovaniya na Urale i Zapadnoj Sibiri (Voprosy arheologii Urala. Vyp. 14) / Otv. red. V.E. Stoyanov. Sverdlovsk: Izd-vo UrGU, 1977. S. 56-71.

Petruhin V.Ya. Mify finno-ugrov [Myths of the Finno-Ugric peoples]. M.: Astrel', 2003. 464 s.

Peshchernoe svyatilishche Shul'gan-Tash (Kapovaya) [The Shulgan-Tash Cave Sanctuary (Kapova)] / Sost. i otv. red. V.G. Kotov. Ufa: Kitap, 2019. 360 s. (elektronnoe izdanie: https://www.academy.edu/40924987/ obrashchenie 20.05.2020 g.).

Pshenichnyuk A.H. Kul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [The culture of the early nomads of the Southern Urals]. M.: Nauka, 1983. 200 s.

Rejnson-Pravdin A.N. Igra i igrushka u narodov Obskogo Severa [Games and toys among the peoples of the Ob North] // Etnograficheskoe obozrenie. 1949. Normals 3. S. 109-132.

Rumyancev M.M. Pervye issledovaniya paleoliticheskoj stoyanki otkrytogo tipa SHul'ganovo-4 v gorno-lesnoj zone Yuzhnogo Urala The first studies of the open-type paleolithic site Shulganovo-4 in the mountain-forest zone of the Southern Urals] // Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo s"ezda v Kazani. T. 1. Kazan': Otechestvo, 2014. S. 124-127.

Sagalaev A.M. Uralo-Altajskaya mifologiya. Simvol i arhetip [The Ural-Altai mythology. Symbol and Archetype]. Novosibirsk: Nauka, 1991. 155 s.

Serikov Yu.B. Ispol'zovanie estestvennyh form iz kosti i kamnya v pervobytnom iskusstve [The use of natural forms of bone and stone in the primitive art] // Izobrazitel'nye pamyatniki: stil', epoha, kompozicii. Materialy tematich. nauch. konf. SPb., 2004. S. 58-61.

Serikov Yu.B. Ispol'zovanie prirodnyh form v kul'tovoj praktike drevnego naseleniya Urala [The use of natural forms in the cult practice of the ancient population of the Urals] // Serikov Yu.B. Problemy arheologii i drevnej istorii Urala: Sb. nauchnyh rabot. Nizhnij Tagil: NTGSPA, 2005a. S. 26-44.

Serikov Yu.B. Gal'ki i ih ispol'zovanie drevnim naseleniem Urala [Pebbles and their use by the

ancient population of the Urals] // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. 2005b. № 6. S. 42-57.

Serikov Yu.B. Garinskaya paleoliticheskaya stoyanka i nekotorye problemy ural'skogo paleolitovedeniya [The Garyn paleolithic site and some problems of the Ural paleolithic studies]. Nizhnij Tagil: NTGSPA, 2007a. 138 s.

Serikov Yu.B. Galechnye skul'ptury – izobrazitel'nye simvoly obryadovoj deyatel'nosti drevnego cheloveka [Pebble sculptures us graphic symbols of the ritual activity of the ancient human] // Mif i simvol v proshlom i nastoyashchem / Otv. red. O.V. Ryzhkova. Nizhnij Tagil: NTGSPA, 2007b. S. 28-39, 155-163.

Serikov Yu.B. Stanovlenie ritual'no-kul'tovoj praktiki u paleoliticheskogo naseleniya Urala lithic population of the Urals] // Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v istoricheskoj perspektive. Vyp. 1 / Otv. red. P.K. Dashkovskij. Barnaul: Azbuka, 2007v. S. 7-24.

Serikov Yu.B. Ocherki po pervobytnomu iskusstvu Urala [Essays on the primitive art of the Urals]. Nizhnij Tagil: NTGSPA, 2014. 268 s.

Stokolos V.S. Staro-Nagaevskij mogil'nik [The Staro-Nagaevsky burial ground] // Epoha medi yuga Vostochnoj Evropy / Otv. red. A.A. Starostin. Kujbyshev: Kujbyshevskij pedinstitut, 1984. S. 22-43.

Stolyar A.D. Proiskhozhdenie izobrazitel'nogo iskusstva [The origin of the visual art]. M.: Iskusstvo, 1985. 299 s.

Tejlor E. Pervobytnaya kul'tura [The primitive culture]/Otv.red. V.K. Nikol'skij. M.: Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1939. 568 s.

Hisamitdinova F.G. Mifologicheskij slovar' bashkirskogo yazyka [The mythological dictionary of the Bashkir language]. M.: Nauka, 2010. 452 s.

Hisamitdinova F.G. Slovar' bashkirskoj mifologii [A dictionary of Bashkir mythology]. Ufa: IIYaL UNC RAN, 2011. 164 s.

Shirokov V.N., Kosincev P.A., Volkov R.B. Paleoliticheskaya stoyanka Troickaya I na reke Uj [Paleolithic site Troitskaya I on the river Uy] // Novoe v arheologii Yuzhnogo Urala / Otv. red. S.A. Grigor'ev. Chelyabinsk: Rifej, 1996. S. 3-17.

Shelinskij V.E. Il'skaya stoyanka na Kubani. Unikal'nyj pamyatnik srednego paleolita na territorii Rossii [The Ilskaya site on the Kuban. A unique monument of the Middle Paleolithic in Russia] // Arheologicheskie otkrytiya, 1991-2004 gg. Evropejskaya Rossiya / Gl. red. N.A. Makarov. M.: IA RAN, 2009. S. 23-34.

Goren-Inbar N., Peltz S. Additional remarks on the Berekhat Ram figure // Rock Art Research. 1995. № 12. P. 131-132.

Weinstein-Evron M., Belfer-Cohen A. Natufian figurines from the new excavations of the el-Wad cave, mt Carmel, Israel // Rock art Research. 1993. Vol. 10. № 2. P. 102-106.